

ГЕНРИХ НЕБОЛЬСИН
ЛОСКУТНОЕ
ОДЕ
ЯЛО

УЮТНЫЕ
ИСТОРИИ

До сих пор не могу привыкнуть к тому, что на вопрос: «сколько тебе лет?» — приходится показывать сорок девять пальчиков...

Генрих Небольсин

Лоскутное одеяло (сборник)

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39850953

Лоскутное одеяло: Издательство АСТ; М.; 2018

ISBN 978-5-17-112224-9

Аннотация

В сборнике замечательного рассказчика Генриха Небольсина найдутся истории на любой вкус. Искрометные одесские зарисовки, ироничные наблюдения за жаркой иерусалимской жизнью, удивительные впечатления от московских встреч. В них слышны детские голоса и кошачье мяуканье, они пронизаны сказочными мотивами и, самое важное – они невероятно уютны и добры.

Содержание

Универсальная фамилия	7
Одесские зарисовки	9
Почитайте книжку	9
Птичка	11
Что читает Даниил Иванович	13
Как мы писали сочинение	16
Лена и Тит	18
Воспоминания	19
Не узнал	21
Первая работа	23
Первые заработанные деньги	25
Ночь в музее	29
Как-то старший брат мне сказал...	30
Встреча из детства	31
Экспедитор	32
Экспедитор	35
Первые армейские впечатления	36
Игра в бисер	39
Национальный вопрос	42
«Культурный»	45
Уже не тот	49
Встреча с прекрасным	53
Жук	55

Отвальная	58
Когнитивный диссонанс	60
Шейка	62
В день памяти мамы	65
Говорухин	67
Кошкин дом	70
Удар со стороны классика	73
Автобиография	75
Фобии	77
Одесский антисемит	80
Спортивный интерес	82
Игры разума	84
Кот по имени Доминик	86
Праздник свободы	94
Тётя Витя	96
Чудо	97
Таможня даёт добро	99
Иерусалимская смесь	102
Язык национального общения	102
Ошибка	106
Реферат	108
Потерял	110
Семейные воспоминания	112
Забастовка	113
Мысли	115
Берегись автомобиля	116

Детский сад	118
Автобусная эпопея	120
Дело мастера	122
6 часов утра	124
Иерусалимский трамвай	125
ЗОЖ	127
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Генрих Небольсин

Лоскутное одеяло

© Небольсин Г., 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Универсальная фамилия

Как только мою фамилию не произносят... Универсальная она какая-то. Дружба народов, а не фамилия.

– Не-боль-син? Китаец, что ли? – И такое как-то услышал.

В Израиле из-за особенностей орфографии переименовали в Набульсина. Приходится поправлять... Кстати, счёт от телефонной компании приходит на фамилию Набульси – известный арабский клан, между прочим. В телефонной книге Иерусалима – целая страница этих самых Набульси.

Устраивался в американскую компанию. Называли не иначе как Небольски. Но так как компания была ещё и еврейской – в конце концов записали: Небольсон. Хорошая идишская фамилия получилась.

Как-то жена в банке забыла свою кредитную карточку. Охранник, догоняя её, кричал:

– Госпожа Небольсини! Госпожа Небольсини!

Решил, что итальянка.

...Я думал, что уже все варианты перебрали. Но в Москве снова меня удивили. Обмениваюсь с человеком координатами. Он странно на меня косится, пытаюсь определить: какого я рода-племени. По глазам видно: кушать не может, такой интерес испытывает.

– Пишите – Генрих, – говорю.

– А! – стал вроде догадываться.

– Небольсин.

– Как? – переспрашивает. – Небольсян?

Точно. И обязательно допишите: армянский китаец из хорошей арабской семьи украинских евреев. А благодаря имени по ночам ещё немножечко немец.

Одесские зарисовки

Почитайте книжку

Сидели как-то у знакомой одесской шумной компанией. Вдруг посреди пира приходит её пацанёнок, четырёх лет.

– Ты чего не спишь? – удивилась знакомая, его мать.

– Я не хочу спать. Лучше прочитайте мне книжку. Книжку почитайте мне! – бодро сказал малыш.

Знакомая тяжело вздохнула, взяла книжку...

– Постой, – говорит один из гостей, по имени Алик. – Давай я ему почитаю.

Алик посадил малыша на колени, открыл книжку. Там – картинка с мышкой, которая грызёт сыр.

– Это – мышка, – говорит Алик. – Она сейчас сыр догрызёт и ляжет спать.

– А это? – спросил малыш и перевернул страницу.

– Это – зайчиха, – спокойно сказал Алик. – Она сейчас вещи достирает и тоже отправится спать, – перевернул страницу. – А это медвежонок. Он лежит в кроватке и уже спит...

...Прочитали примерно половину. Все животные, нарисованные в книжке, как только доходила до них очередь, сразу же бросали свои дела и отправлялись спать. У малыша тоже стали клеиться глазки. Знакомая говорит Алику:

– Давай я его уложу в кроватку. А ты почитай ему ещё несколько страниц, и он заснёт...

Прошло минут пятнадцать. И снова к нам выходит малыш. И снова в руках книжка.

– А где дядя Алик? – спрашивает его мама...

– А он книжку дочитал и тоже заснул, – тоном Алика ответил малыш.

Птичка

Одесский знакомый жаловался. Его друг, орнитолог, уезжая в экспедицию, попросил приглядеть за птичкой. Ну, птичка – не крокодил. Приятель согласился. Принёс орнитолог клетку, объяснил, как кормить, как ухаживать, и испарился.

Птичка быстро разбила клетку и поселилась на книжном шкафу, обгаживая библиотеку. Но это ещё полбеды. По ночам птичка стала завывать «потусторонним голосом», очень громко, не давая заснуть всему дому. Приятель не поленился, открыл энциклопедию птиц и довольно быстро опреде-

лил, какой же птичкой его наградил друг. Выяснилось, что это выпь. В книжке было сказано, что вой этой птички слышен в радиусе одного километра. Приятель, чертыхаясь, уже готов был закрыть книжку, как обнаружил ещё одну замечательную характеристику птички. Оказывается, эта птичка – хищник. Причём охотится она примечательным способом. Выпь поднимается на высоту и пикирует на жертву, врезаясь в неё своим острым клювом.

Теперь, ложась спать, приятель надевал на голову хоккейную маску вратаря и вправлял в пододеяльник толстый лист фанеры. На вопрос, почему он не отвезёт эту птичку в ближайший лес и не бросит её там, он отвечал, что не хочет огорчать друга-орнитолога, который к этой птичке очень привязан.

Удивительной душевной чуткости был человек.

Что читает Даниил Иванович

Моя одесская приятельница библиотекарем работала. У неё читателей не хватало. Боялись, что библиотеку расформируют. Вот она и попросила меня, чтобы я записал своего дедушку. Ну, «понарошку». Она ему формуляр заведёт, как будто он приходит, берёт книжки, а потом возвращает. И получится, что в её отделе читателей чуть больше.

– Да ладно, дедушку. Я тебе всех своих родственников запишу.

И стал записывать. Сначала имя, фамилию, отчество, потом свой адрес и телефон... Знакомая сказала, чтобы я не беспокоился. Она их в отдельной стопке держать будет. А сама взяла и уволилась через год. А ещё через месяц мне стали названивать из библиотеки.

– Извините, – говорят, – Даниил Иванович Хармс, пятого года рождения, уроженец Петербурга, у вас проживает?

– Да, – отвечаю, вспоминая, что записал его «дедушкой». – Проживает. Но сейчас он вышел.

– Вышел? – уточняют.

– Да, – говорю, – вышел... С дубинкой и мешком. И в дальний путь, – говорю, – отправился пешком.

– Когда вернётся, – отвечают из трубки, – пусть обязательно зайдёт к нам в библиотеку. Он уже полгода книжку держит.

Но дедушка Даниил Иванович не вернулся. И когда позвонили снова и стали грозить штрафами – я согласился прийти. Вместо дедушки. Библиотекарша строго так на меня посмотрела:

– Ваша фамилия тоже Хармс?

Ну, вроде как понятно: с такой мордой разве может быть у человека нормальная человеческая фамилия?

– Нет, – говорю, – он мой дедушка по матери.

– Так вот, – отвечает мне девочка-библиотекарь, – ваш дедушка, Даниил Иванович, уже полгода одну книжку у себя

держит.

– «Голем» Майринка? – спрашиваю.

– Нет, – говорит, сверяясь с формуляром. – «Марочник стале́й и сплавов», автор – Сорокин Вэ Гэ.

Я объясняю:

– Знаете, мой дедушка очень педантичный человек. И никогда бы не уехал, если бы не сдал книжку. Проверьте. Уверен, что она на месте.

Библиотекарша сначала не соглашалась, но всё же поднялась, проверила и, к нашей общей радости, нашла на полке эту книжку. Мы простились, и я обещал, что дедушка обязательно будет к ним заходить... Прошло дня три, не больше. Звонок:

– Извините, вас из библиотеки беспокоят... Тут книжка на вас висит...

– Это вы по поводу моего дедушки Хармса, – пытаюсь объяснить, – дедушка заходил к вам в библиотеку и всё уладил...

– Нет. – И после паузы: – Я могу поговорить с Зинаидой Николаевной Гиппиус?

Как мы писали сочинение

Как-то сидел у приятелей, ещё в Одессе. Выпили. Меня в сон стало клонить. Я вышел в соседнюю комнату и прилёг. Подходит хозяйский сын, ему двенадцать лет тогда было. Неожиданно говорит:

– Мне тут задали сочинение... Поможете написать?

– Хорошо, – отвечаю, – какая тема?

– Творчество Пушкина, – говорит подросток. – Я думаю это... о стихотворении «Памятник» написать.

– Ладно, – соглашаюсь, – пиши. «Стихотворение Пушкина “Памятник”...» Записал? Давай дальше: «Только невежды думают, что занятие поэзией – простое дело. К примеру, для создания стихотворения “Памятник” А. С. Пушкину пришлось открыть и возглавить предприятие ритуальных услуг...»

– Так и писать? – неуверенно спросил ребёнок.

– Пиши-пиши, – говорю. – «Пушкин, этот лысоватый, сидящий человек, целые дни просиживал за столом, просматривая отчёты, договариваясь с поставщиками и отчитывая главу отдела Нелепицы Даниила Ивановича Хармса...»

– А за что он его отчитывал? – заинтересовался, значит.

– Ты, конечно, знаешь, что поэзия должна быть глуповата? Нет? А Даниил Иванович знал. Включился в работу. Обещания, повышенные планы. Как следствие – премии, путёв-

ки в дома отдыха для всех работников отдела. И что? Тестовые замеры провели, и выяснилось: средние показатели глуховатости – не дотягивают...

Короче, дописали мы этот бред. Я чуть в себя пришёл и опять за стол вернулся. Забыл совсем про эту историю. Както захожу, мне сын приятелей говорит:

– А нам, между прочим, 5–/5 поставили.

Начинаю выяснять и с ужасом вспоминаю ту историю. Превозмогая стыд, прошу показать то, что он написал... Приносит тетрадь. Чистенько так ребёнок написал, девчачьим почерком. Без ошибок, я так не умею. А внизу красным оценка и под ней приписка учительницы: «Занимательно. Хотелось бы подробней. Недостаточно полно раскрыт образ начальницы отдела Вдохновения Мананы Зурабовны Очей-Очарования».

Лена и Тит

Гостил у меня приятель из Киева с красивым именем Тит. И по уши влюбился в соседку, девушку Лену. Ходил за ней хвостиком, разговорами развлекал. А перед отъездом – картинно стал на колени и сделал предложение. Сказал, что скоро за ней вернётся. А Лена через два месяца выскочила замуж. А ещё через месяц звонит Тит. Говорит: ждите, скоро приеду. И бросает трубку.

Я мнительный. Не люблю плохие новости сообщать. Неделю ходил, подыскивал слова, ну... чтобы не ранить сердце человека. И когда Тит, без звонка, нагрянул ко мне домой, я растерялся. Говорю:

– Понимаешь... Ну... Как тебе сказать. В общем... у-ух... Ты только не расстраивайся. Тебе, конечно, сложно будет это услышать, но Лена... замуж вышла...

Тит посмотрел на меня растерянно. Говорит:

– Лена? Какая Лена?

Воспоминания

Среди прочего вспоминали одесского человека Киношевера.

Он говорил со скоростью 300 слов в минуту. Математик по профессии, он вычислил, что именно столько слов может воспринять натренированный мозг с потерей примерно 20 процентов информации. То есть Киношевер не просто говорил. Заодно он ещё и тестировал того, с кем разговаривал.

Что касается собеседника – тот неминуемо проходил ровно пять стадий принятия неизбежного: отрицание, гнев, торг, депрессия и, собственно, само принятие. Когда нас познакомили, я тоже начал с отрицания. Сложно было поверить, что это происходит со мной. Я вслушивался в поток его речи, пытаюсь вычленить хотя бы тему того, о чём мы говорим... И тут пришёл гнев. Ударить его, накричать или просто, развернувшись, уйти по-английски? Но пока я думал об этом, пришла новая стадия, и я стал торговаться...

– Вы не могли бы говорить чуть помедленней? – попросил я.

– Хорошо! – без паузы среагировал Киношевер и автоматически замедлил речь.

До 285 слов в минуту. Тут-то у меня и началась депрессия. Кроме того заболела голова, и я стал искать, на что опереться, чтобы подождать, когда настанет последняя стадия...

Я, правда, думал, что она окажется летальной... Но пришло «принятие». То есть я уже воспринимал его речь как пение соловья, жужжание стрекоз, шум ветра. И убедившись, что это единственное возможное отношение, которое позволяло мне находиться рядом с ним больше одной минуты, – состояние это я зафиксировал.

Так мы с ним и общались. Он говорил. Я слышал стрёкот цикад и думал о своём. И это, надо признаться, совсем не мешало нашим доверительно-приятельским отношениям.

Не узнал

Брат рассказывает:

«Сажу на скамейке, на Приморском бульваре. Какой-то мужик подходит и улыбается.

– Вы меня узнаете?

Говорю, что нет. Мужик скис.

– Как же так... Нет, вы должны меня узнать. Это ужасно обидно!

Ладно. Присмотрелся. Определённо откуда-то его помню, но откуда? Никаких мыслей.

Мужик посмотрел на меня, как на врага, вздохнул, повернулся и пошёл дальше. Тут уж я сам заинтересовался. Кричу вдогонку:

– Эй, может быть, сами скажете, откуда я вас знаю?

Мужик останавливается, поворачивается. Смотрит на меня мрачно:

– Вы вчера в театр ходили? Правильно? В первом ряду с блондинкой стройной такой сидели... Тоже верно... А я на сцене был. Главную роль играл...»

Первая работа

В начале девяностых устроился грузчиком в одну маленькую одесскую типографию. Там деньги платили. Редкое по тем временам дело.

И вот захожу в цех резки бумаги, который назывался флаторезкой. Навстречу мне выходит некто кучерявый. Скорее длинный, чем худой. С лицом скорее безумным, чем интеллигентным, и, не знакомясь, заявляет:

– Ну, бабуин, работать будем вместе. Ты, Склифосовский, не переживай, коллектив у нас хороший. Вчера воздушного змея запускали, сегодня на перерыве будем с гаражей плевать на дальность. Так что запасайся...

– Чем? – спрашиваю.

– Как «чем»? – удивляется. – Слюной. Она быстро заканчивается с непривычки.

Хотел я что-то ответить, но он палец вверх поднял и прислушался.

– Полундра, Пржевальский! – говорит. – Начальница идёт...

И, как настоящая обезьяна, с места прыгнул на двухметровый стеллаж с чистой нарезанной бумагой. И, перепрыгивая со стеллажа на стеллаж, оставляя на бумаге вмятины и следы от кед, поскакал на своё рабочее место. Я тоже на всякий случай вышел во двор.

– Новенький? – я столкнулся с плотным, подслеповатым парнем. Лицо у него было простое, деревенское, и я почему-то сразу прозвал его Грицко. – Как зовут? Генрих... Ох, тяжело тебе с таким именем, наверное. Все сразу Генриха Наваррского вспоминают. Кстати, помнишь, как в «Страданиях юного Вертера» у Гёте?

И он произнёс какую-то фразу на немецком языке. Потом задумался и произнес ещё одну. И кому-то, улыбаясь, кивнул... Рядом, на скамейке сидел паренёк и жадно грыз морковь. Я решил присесть к нему.

– Я здесь ненадолго, – сразу сказал он, вероятно, чтобы я на него не рассчитывал. – Я хочу в мореходку пойти.

– Ладно, – говорю, – а ты что, голодный? У меня там бутерброды какие-то есть. Будешь?

– Не, – говорит. Я – буддист. Мне хлеба нельзя...

– Почему? – я даже заинтересовался.

– Чтобы не обкрадывать колос...

К начальнице я подошёл немного сбитый с толку.

– А что это у вас все такие странные? – спрашиваю.

– Понимаешь, – доверительно говорит мне начальница, – у нас тут над воротами типографии «придуркоуловитель» установлен. Другие сюда просто не заходят. Так что, добро пожаловать в наш замечательный коллектив. Чувствуй себя как дома.

Она поднялась из-за стола и, придерживая платье, отвесила мне глубокий реверанс.

Первые заработанные деньги

1973 год. Мне – четыре. Лето. Мы с мамой, папой и старшим братом гуляли по Дерibasовской. И поначалу ничего не предвещало лёгкой наживы. Но возле магазина «Золотой ключик» к нам подскочила странная, взлохмаченная блондинка неопределённого возраста. Вид у неё был какой-то безумный. Первые сказанные ей слова только подтвердили эту догадку:

– Ой, – сказала она возбуждённо, – какие у вас чернявенькие детки. Нам подходят...

Моей маме это замечание очень не понравилось. И она решила «высказать обиду» в свойственной ей манере:

– Женщина, вы, наверное, не местная, – учтиво сказала мама. – И, наверное, ищете сумасшедший дом. Я вам сейчас покажу, как туда проехать.

И она совершенно серьёзно стала объяснять даме, где и на какой автобус сесть, чтобы доехать до Слободки... Дама примирительно улыбнулась:

– Вы меня не так поняли. Мы снимаем кино. Там есть эпизод на турецком пляже. И нужны дети, похожие на маленьких турчат. Ваши подходят...

Она предложила какие-то сумасшедшие деньги. Кажется, 5 рублей в день на каждого ребёнка. И родители решили на нас подзаработать.

Приехали на первый съёмочный день всей семьёй. Одесский пляж. Киношники в сторонке под зонтом собрались, что-то обсуждают. И целый пляж чернявеньких, активных детей и взрослых. Нас раздели до плавок и отпустили знакомиться.

Вокруг ходили маленькие смуглые турки и турчанки. На песке сидели соответственно взрослые турки, их родители. Сидящая на соседней подстилке толстая турчанка закричала мужу:

– Сёма! Достань из воды арбуз! Будем завтракать! Сёма! Ты слышишь меня? Сёма!

– Ой, не кричите! – ответила ей другая турчанка, сидящая

с маленьким ребёночком на руках. – Вы разбудите мне Бореньку. А если Боренька откроет рот – вам будет мало места даже на этом огромном пляже.

– Женщина! – крикнул поджарый турок, сидевший прямо перед нами. – Не будите Борю. Я слышал, как этот ребёнок просыпается, чтоб он был здоров. И хочу вам сказать: его мама знает, о чём говорит!

В это время от киношников отделился пузатый человек с мегафоном, в шортах и расстёгнутой рубашке. Проваливаясь в вырытые детьми ямы, побежал к нам. Ещё не добежав, он закричал:

– Мадам и месье! Кончайте геволд. На этом пляже некоторые ещё и работают! Дайте нам в уши немного тишины!

Он сделал внушительную паузу, после чего сказал со значением:

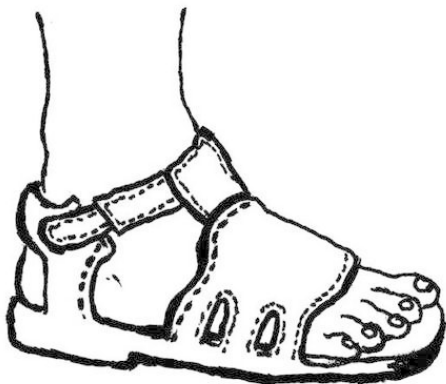
– Заранее благодарю, хотя и не надеюсь!

Мы с братом быстро нашли общий язык с этими турками. Рыли с ними ямы, делали гроты и купались. Я собирал рачков-отшельников, а брата укусил краб... Когда, собственно, мы снимались – я даже не помню. Пропустил эти моменты. Зато две недели на пляже сделали нас с братом ещё смуглей, и мы стали ещё больше похожи на маленьких турков.

Когда мы пришли на премьеру фильма «Солёный пес», чтобы увидеть себя на большом экране, выяснилось, что две недели съёмок вместились в полторы минуты экранного времени. Брат, внимательно следивший за происходящим,

вдруг больно ущипнул меня и ткнул пальцем в экран:

– Видел! – сказал он, – это была моя нога...

Нога брата оказалась единственным доказательством того, что мы в этом фильме снимались. Но с этим нас примиряли сумасшедшие деньги, кажется, 120 рублей, которые мы заработали.

Ночь в музее

Мой брат в трудные времена устроился охранником в Одесский археологический музей. За музеем установилась дурная слава. В нём происходит всяческая чертовщина, и охранники сбегали оттуда после первой же смены.

После дежурства мой хорошо технически образованный брат рассказывал мне:

– Дураки эти охранники. Всё, что было ночью, – легко объяснить.

И стал перечислять:

– Шаги в большом зале – это классика: из-за перепада температур паркет сужается и начинает скрипеть. Удары в окно... Слышал, какой ночью был ветер. Тени, бродившие по залам, – просто машины по улице с зажжёнными фарами проезжали, а свет на скульптуры падал...

– Я только одного пока не понял, – добавил брат, – кто тумблер над моим рабочим столом всю ночь включал и выключал. Включал и выключал...

Как-то старший брат мне сказал...

– Моей приятельнице нужно обработать паяльной лампой дверь. Содрать старую краску. Возьмёшься? Она хорошо заплатит.

Я взял лампу, взял друга, чтобы не скучно было, и поехал обдирать дверь. Управилась довольно быстро... На следующий день звонит брат. Говорит:

– Чем ты так приятельницу мою обаял? Говорит, «такой хороший мальчик, вдумчивый, интеллигентный».

– Даже не знаю, – говорю. – Я не специально...

– А приятель твой не понравился. Говорит: наглый, хамоватый... Но я не поэтому звоню... Я ей сказал, что ты сейчас ни с кем не встречаешься, и она предложила познакомить тебя с племянницей. Так что – если интересно – можем подъехать к ней вместе. На «смотрины».

Дело хорошее. Поехал с братом. Приятельница дверь открыла. Повела нас на кухню. Предложила чай. Говорит:

– Присаживайтесь. Племянница приедет минут через пятнадцать...

И обращаясь к моему брату:

– А когда подойдёт твой младший брат?

Встреча из детства

Как-то у нас с женой в Одессе гостил американец, которого увезли в Бруклин ещё подростком. Удобный гость. Каждое утро уходил в одесское сафари, а возвращался за полночь. Однажды, вернувшись, рассказывает:

– Случайно встретил девочку, которой в детстве выбил глаз.

– Что ты ей сделал? – не поняли мы с женой.

И он рассказал, как в детстве махал перед этой девочкой палкой, палка отскочила и выбила девочке глаз.

– Мы правильно тебя поняли... не поранил, не повредил, а именно выбил? – продолжали допытываться мы.

– Ну да, ей потом стеклянный глаз вставили. Мы её за это ещё дразнили...

Жена никак в себя прийти не могла.

– Бедная девочка... – говорит.

Наш приятель почему-то обиделся.

– Чем это она бедная? Выросла, замуж вышла, сейчас у неё двое детей... А вот знали бы вы, как меня тогда родители побили!!!

Экспедитор

В 1993 году, желая подзаработать денег, устроился экспедитором – доставить груз из Одессы в Саратов. Зима. Мороз такой, что я даже в кабине КамАЗа, при включённой печке – мёрз, чем очень потешал водителя, херсонского хлопца Артёма.

– Это от того, что ты жид! – объяснял мне Артём. – У вас там в Жидовии, небось, весь год тепло. Африка же! Вот и не привык ты со своими генами. А мы – русаки – в снежных лесах воспитаны.

– Наказать тебя, что ли, за национальную нетерпимость, – добродушно бурчал я. – Дам пару раз в репу – заодно и согреюсь.

В конце концов Артём дошутился со своей морозоустойчивостью. Когда до Саратова оставалось километров тридцать – мы сбились с маршрута и долго, в гордом одиночестве, блуждали по разбитым дорогам. Уже темнело, зарядил снег. Нужно было останавливаться. Что Артём, собственно, и сделал, не справившись с управлением. Машину на скользкой дороге повело, и она со всей дури ушла в замёрзший стог сена, неизвестно что делавший у обочины.

– Вот видишь, нам и соломку подстелили, – заметил я невесело, ощупывая, всё ли во мне цело.

– Ты не радуйся раньше времени, – трагически прогово-

рил пришедший в себя Артём. – Машина заглохла. Теперь я её хрен заведу. А греться как будем?

Об этом я не подумал.

– Ночь на дворе, и ни хера не видно, – подбавил страха Артём.

А у меня – сам не знаю почему – ощущение такое, что всё будет хорошо. Даже знобить перестало. Выбрались из машины – на Артёма смотреть страшно. Выполняя давнее обещание, стал его немного «буцать» – легко мутузить. Он не понял – посмотрел на меня, как на идиота.

– Ладно, – говорю ему, – давай «побоксируем» вполсилы, заодно согреемся. Ты, главное, успокойся, всё будет нормально.

Как услышал меня кто – сначала шум какой-то в стороне... Вышли на дорогу: прямо на нас полз трактор.

– Ура! – закричал Артём. – Живём! – и полез обниматься.

...Тракторист Лёха согласился помочь. Набросил тросы. Артём сел за руль «мёртвой» машины. Я подсел к Лёхе.

– Ну... с Ним! – серьёзно сказал мне Лёха. И, играючи, вытащил машину из замёрзшей, развалившейся соломы. Мы, не останавливаясь, медленно тронулись в деревню.

– Как же вы сюда забрались? Здесь, кроме наших, деревенских, никто не ездит, – сказал Лёха. – Трасса на Саратов... это же левее брать надо.

Я что-то промямлил про непогоду.

– Но это даже хорошо, что вы с дороги сошли, – добавил

Лёха. – А то, не приведи Господь, до моста доехали бы. Он у нас разобранный. А так не видно, когда едешь... Вот летом грузины на легковушке – тоже заблудились, наверное. Так с моста и сиганули. Не спасли – все утонули.

Наверное, у меня мозги замёрзли – голова начала медленно куда-то отлетать.

– Скажи, – спрашиваю, – а сколько мы до моста не доехали?

– Да метров шестьсот, – Лёха внимательно посмотрел на меня и улыбнулся. Достал из внутреннего кармана ватника потёртую торпедку из-под колы.

– Спирт, разбавленный, – сказал. – Выпей. Тебе сейчас надо...

Экспедитор (Продолжение)

Как-то дотянули до деревни. Меня взяли на постой, а мой водитель – херсонский хлопец Артём – остался колдовать над машиной с местными мастерами. Прежде чем отправиться на боковую – иду к нему узнать, как дела. У Артёма глаза горят, рассказывает:

– Такое дело... Только я мужиков-ремонтников отпустил – набежали бабы местные. Начали вопросы задавать. А как хохлы пьют? Я говорю: пьют умеренно. И в основном – вино. Они как про вино услышали – чуть не застонали от удовольствия. Одна даже созналась, что из-за вечных пьянок у неё с мужем год не было... Спрашивает, может, тебе надо чего? Я говорю: перчаточки бы резиновые – пару. Отвечает: хорошо! Принесу после. И глаза такие из-под платка... Так что – уходи. Свидание у меня намечается...

Утром встречаемся с Артемом.

– Ну что? – интересуюсь. – Приходила твоя? С глазами из-под платка?

– Нет, – сознался Артём. – Она не пришла. Муж её пришёл... Не знаю, что ему наплели, но врезал он мне промеж глаз неслабо... А ещё, знаешь, – добавил немного ошалело, – перчатки-то он мне принёс!

Первые армейские впечатления

В Советскую армию я попал по осеннему призыву 1987 года. Ну как «попал». Сначала я пять часов блуждал по загону призывного пункта.

– А что ждём? – спросил, не очень разбираясь в происходящем.

– Как что? Покупателей, – ответили мне.

И я понял, что на уроках истории нам говорили не всю правду. Крепостное право на Руси ещё не отменили.

Наконец-то перед нами нарисовался покупатель – бравый майор в помятом кителе.

– Так, где мои солдатики? – бодро сказал он. – Где мои защитники Отечества, герои будущих сражений? Чьими героическими именами будут названы не менее героические фамилии.

И нас повезли в Киев на месячный курс молодого бойца. И сразу же, на второй день, поставили в наряд по кухне, мыть посуду. Трёх солдат поставили... Примерно на полторы тысячи едоков... Какой мы там бардак развели – гражданскому человеку не объяснить. Скажу только, что слив засорился, и воды у нас было по щиколотку. Грязные кастрюли из нержавеющей стали качались на воде, как кораблики. И тут вбежал белый от ужаса сержант, дежурный по кухне:

– Так! Быстро убрались! Генерал приехал, сейчас поест и

придёт нас инспектировать!

Мы отложили грязные тарелки и начали срочно пробивать слив... Вбежал лейтенант, взводный наш.

– Вы охренели? Генерал уже допивает компот, а у вас такая грязь. Сержант!

Вот уже и сержант нам помогает. Закатал рукава и слив прочищает. Тут как раз ротный подоспел.

– Придурки! Расстреляю на месте! Меня из-за вас на гауптвахту отправят бессрочно!

...И тут входит, пошатываясь, генерал. Похоже, что развезло его от компота. Багровеет. Шипит:

– Это что такое!!! Равняйся – смирно!... Понял я, понял, какая у вас здесь служба! Развалили Вооружённые силы!

...Тишина стояла такая, что даже мух не было слышно. Потому что они тоже стояли по стойке смирно... На сержанта и лейтенанта страшно было смотреть. Капитан мгновенно вспотел. И, мне показалось, он к кобуре потянулся, чтобы немедленно застрелиться. А я понимаю, что если все молчат, то поддерживать беседу с генералом придётся мне:

– Товарищ генерал, – говорю. – А по-моему – ничего. В принципе – не очень грязно...

Моя простая, кажется, фраза, произвела на генерала неизгладимое впечатление.

– В принципе, – повторил он и махнул рукой. – Эх...

После чего немедленно удалился в столовую допивать компот. Капитан, погрозив мне кулаком, вылетел следом.

– Ладно, рядовой В Принципе, – сказал мне лейтенант. –
Не ссы. Сделаем из тебя солдата!

И из меня стали делать солдата.

Игра в бисер

Останавливает меня ротный.

– В увольнение хочешь пойти?

Кто ж не хочет. У нас все хотели.

– Пойдёшь, – говорит. – Только сначала выучишь с рядовым Мамадалиевым «Обязанности часового». Можете учить в карауле. Я вас в одну смену поставлю.

Рядовой Мамадалиев был беззлобным, улыбчивым узбеком, который знал по-русски только два слова: «не понимай». То есть проблемы у меня начались на этапе объяснения: что я от него хочу. Когда мы остались с ним в карауле в бодрствующей смене и я, взяв его за куртку, препроводил в сушилку, Мамадалиев повёл себя смело – принял боксёрскую стойку и стал посылать в мой адрес узбекские проклятия.

Бить Мамадалиева не входило в мои ближайшие планы. Пришлось принять на вооружение метод русского путешественника Миклухо-Маклая. То есть, не обращая на Мамадалиева внимания, я достал Устав караульной службы и стал его увлечённо листать. Методы русских путешественников редко подводят. Мамадалиев быстро связал в голове оплеухи от ротного и книжку, которой эти оплеухи наносились, и через десять минут мы уже спокойно разбирали обязанности часового.

Мамадалиев оказался толковым парнем. За два дня мы выучили все три предложения. Я не иронизирую. Если бы мне понадобилось выучить что-то по-узбекски под началом Мамадалиева – даже не знаю, уложился он бы я в этот срок. Не надо забывать, что в тексте знакомыми Мамадалиеву были только предлоги.

Короче, текст был выучен. Буква за буквой, Мамадалиев выстроил в своей голове этот ручеёк странно сочетаемых русских звуков, из которых были составлены «Обязанности часового». Он даже... как-то не проговорил и не прошептал, а... прожурчал их бегло и уверенно. И вдруг...

Вот. Всё дело в моём дурацком характере... Я вдруг вспомнил, что настоящий мастер каллиграфии, закончив работу и насладившись её совершенством, слегка портит один из иероглифов, чтобы не раздражать богов... Короче, там были такие слова «...и не допустить проникновения на объект».

– Знаешь, Мамадалиев, – я как бы обращался к нему, хотя на самом деле просто размышлял вслух, – когда дойдёшь до слова «проникнуть» – сделай так: скажи «пряник», почеси живот и только после этого продолжай «...новения на объект». Не понятно? Сейчас будем репетировать...

На это ушло ещё часа два...

Настал день нашей премьеры. В ленинской комнате ротный сам принимал экзамен. Мамадалиев, бледнея, встал и довольно сносно повторил три первые фразы обязанностей

караульного. Дойдя до кодового слова, он остановился, посмотрел на меня и, снова повернувшись к ротному, отчётливо проговорил «пряник». Снова посмотрел на меня и, вспомнив то, что мы разучивали, – почесал живот. Я заржал, опустив голову на стол. Но как я и рассчитал, чуда «заговорившего немого» уже ничего не могло испортить. Ротный, наблюдавший за происходящим с восторгом театрала, которому мешают наслаждаться игрой любимого актёра, недоуменно посмотрел на меня:

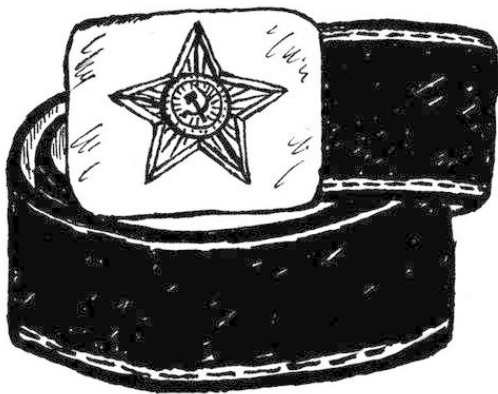
– Ты чего ржёшь, нормально же человек отвечает!

Но я продолжал... В этом не было насмешки над Мамадалиевым. Скорее, в этом читалось удовлетворение мастера, увидевшего реализованным свой план.

И то, что меня оставили без увольнения, – считаю справедливым. Настоящее искусство требует небольших жертв.

Национальный вопрос

А Советскую армию я проходил в маленькой отдельной роте внутренних войск. Моего призыва было человек 12. Из них – трое русских. (Причём один из русских – я.) Старшие призывы – армяне, азербайджанцы, один чечен и много-много узбеков и таджиков, киргизов и казахов...

Короче, нас, «русских», не любили, что выявилось почти сразу. Как-то, убирая казарму, пока младшие призывы были на утренней пробежке, а старшие подшивались, я был атакован «дедушкой»-каракалпаком, который начал мне истерическим тоном выговаривать, что я неправильно выжимаю

тряпку. Я вежливо предложил ему показать, как это делается, за что тут же получил оглушительный удар по лицу. У меня всё-таки кровь тоже восточная, горячая, поэтому я неслабо приложил ему в ответ. И тут же ужасно струсил, потому что подшивающиеся в казарме «дедушки» все как один подняли головы от шитья.

Каракалпак поднялся и бросился на меня. Что мне оставалось – я двинулся навстречу... К моему удивлению, нас с двух сторон схватили за плечи и стали растаскивать. Почувствовав, что всё может ещё обойтись, я рьяно выдирался из мощных рук, обещая врезать ещё. И тут взбешённый каракалпак выкрикнул уже известное мне узбекское ругательство...

Как-то было обидно – этот двуязычный человек ругал меня на непонятном диалекте. Я стал искать адекватный ответ, и он был найден: «киш мир ин тухес» – злобно прорычал я знакомое с детства идишское ругательство.

Наступила тишина. Даже каракалпак Абдурахманов (вот! вспомнил его фамилию) посмотрел на меня без злобы. Руки дедушек на моих плечах – разжались.

– Это ты на каком? – кто-то спросил меня.

– На моём родном, на еврейском, – объяснил я, поправляя форму...

Самое удивительное, что этот же самый Абдурахманов скоро стал мне объяснять то, что в своё время недообъяснили родители. «Ты не русский, – внушал он мне. – Ты как мы –

нацмен...» Я улыбался, кивал и пытался избавиться от него, со всем возможным уважением к его сроку службы. Держался я всё одно с нашей горе-компанией русских... состоящей из одного еврея и двух ростовских казаков.

Закончились его «политинформации» очень скоро. Как-то, желая, видимо, расширить кругозор, Абдурахманов спросил меня, как на моём языке будет... (какое-то слово, не помню, что он спросил). Я ответил, что не знаю. Абдурахманов посмотрел на меня как на дохлую мышь.

– Ты не знаешь своего языка?

– Нет, – признался я.

Лицо Абдурахманова скривилось так, как будто его через секунду вырвет.

– Какой ты еврей! – скаля зубы, прошипел он.

Вот-вот. В последнее время я и сам часто об этом думаю...

«Культурный»

Когда я служил год, к нам из учебки привезли молоденького младшего сержанта... Знаете, бывают такие... Они говорят так, как будто пишут книгу. «...Я вышел из тёмной, поросшей паутиной каптёрки и, размышляя о предстоящих делах, смутно вообразил график дежурств на сегодня». Как-то так он выражался.

Его назначили командиром моего отделения, и уже через неделю я вынужден был согласиться со старшиной, что все неприятности в армии из-за «культурных».

Любая вечерняя поверка перерастала в долгие, экзистенциальные размышления о судьбах мира и месте в нём нашего отделения. Когда рядом не было ротного – мы просто, надавав ему «щелбанов», расходились по кроватям. Но если стоял кто-то из командиров... Приходилось терпеть. Кроме этого, по гражданской профессии он был фотографом. В перерывах увивался за мной, объясняя сложности построения кадра и установки света. Я, в отличие от остальных, давал ему десять минут, не посылая сразу. Короче, между разговорами об экспозиции и диафрагме – он решил, что мы лучшие друзья, а я с удивлением обнаружил, что ненавижу этих «долбанных интеллигентов».

Однажды, когда я шёл в столовую, меня нагнал мой новый друг. Взял за локоть и потащил к КПП. Оказывается, приехали его родители, и он решил их со мной познакомить. Родители оказались сельскими, простыми людьми, что было для меня неожиданно. Мой друг принял у отца сумку. «Можешь поставить у себя? До вечера», – и заговорщически подмигнул.

У меня – это значит в кинобудке. По выходным я крутил фильмы для нашей роты, и, естественно, у меня был ключ. Можете себе представить, какие посиделки там устраивались и как я потом проветривал помещение, чтобы не пахло перегаром.

Ну, сказано – сделано. Я понял намёк друга и чёрным ходом притащил его сумку к себе. Нёс аккуратно, потому что в сумке цокали бутылки. Спрятав их за проекторами, я уже собирался уходить, но вдруг захотелось взбодрить себя. Тем более что друг, передавая сумку, разрешил открыть и угоститься. Я нащупал овсяное печенье и вытащил литровую бутылку с мутной жидкостью, закупоренную бумагой. Надкусил печенье и сделал первый колымский глоток...

Никогда ещё я не пил такой отвратительной самогонки.

Минут через пять прибежал друг.

Я говорю:

– Ну и самогонку твои родители передали – пить нельзя.

– Какая самогонка? – говорит. – Нет там никакой самогонки.

– Ты же говорил, угощайся, – не понял я.

– Родители много чего привезли: колбасы, печенье... Вот я и сказал...

– А подмигивал чего? – совсем уже растерялся я.

И тут мой радостный друг вытащил из сумки уже знакомую мне бутылку.

– Это проявитель, – заговорщически прошептал он. – Сегодня вечером будем проявлять плёнки.

Уже не тот

Когда в 2007 году я приехал погостить в Одессу, про одного нашего общего приятеля мне сказали: «Он уже не тот».

– Что, – говорю, – не дописал докторскую по психологии? Не стал новым Юнгом?

– В общем, сам увидишь, – сказали мне.

Увиделись мы с ним только в день отъезда. Он с порога подошёл к хозяину дома и сказал тихо, но так, чтобы все слышали:

– Мне нужно сходить на базарчик. Геша пойдёт со мной.

Когда говорят так решительно – глупо отнекиваться и ссылаться на то, что через четыре часа самолёт, вещи не собраны и жена обещает убить тебя на месте одним из чемоданов. Я быстро собрался, и мы вышли.

На улице приятель сказал:

– Мы должны купить что-то круглое. Оранжевое. Предложения есть?

– Апельсин... – предсказуемо отреагировал я, и приятель задумался.

– Нет. Апельсин нам не понадобится. Но идею ты уловил правильно, значит, будем копать в этом направлении.

Обойдя базар вдоль и поперёк, мы остановились у прилавка, на котором продавали детские игрушки.

– А почему бы и нет, – сказал приятель. – Мяч – круглый.

Нужен ли нам мяч?

– Что вам? – спросила девушка-продавец.

– У вас есть оранжевые мячи? – спросил приятель. – Это не значит, что мы его купим. Я просто спрашиваю.

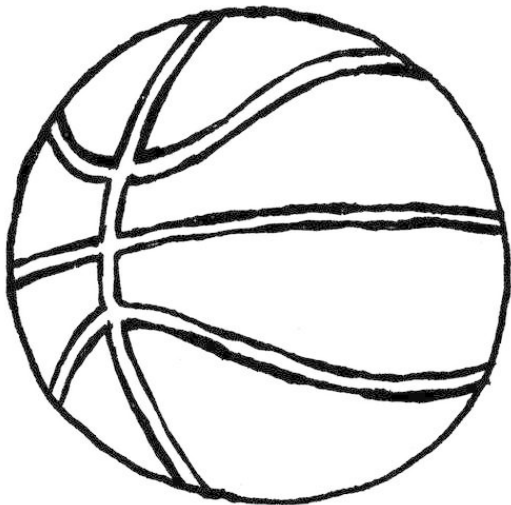
– Сейчас посмотрю, – спокойно ответила девушка и пошла проверять в контейнер.

– Пойдите, – приятель побежал за ней. – Я хочу посмотреть вместе с вами. Мяч – это только одна из догадок.

У мужика, торговавшего вместе с девушкой, забежали глаза.

– Соня! Не показывай ему. Это – конкуренты. Они хотят увидеть наши товары. Вы конкуренты? – спросил он у меня.

В одной руке у меня был пятикилограммовый арбуз, в другой – пакет с двумя килограммами яблок. Быть конкурентом этому человеку мне не хотелось. К счастью, появился приятель с резиновым, оранжевым мячом с пупырышками.

– Заплати, – сказал приятель, демонстрируя мяч. – Этот вроде бы подойдёт.

Всё путешествие в аэропорт приятель не расставался с мячом. И когда я обнимал его, прежде чем пройти в зону для улетающих, – он отставил мяч на вытянутой руке в сторону. Обнявшись, я в сотый раз мигнул всем провожавшим, потряс скрещёнными ладонями и пошёл к стойке.

– Рейс откладывается на полчаса, – объяснила мне девушка, – погуляйте ещё немного.

Я снова вернулся к друзьям... Только попрощались. Теперь что? Здраваться? Какая-то пауза нехорошая образовалась.

– Друзья мои, – вдруг сказал приятель. – А никто не хочет сыграть в футбол?

Следующие полчаса мы играли в футбол прямо в здании одесского аэропорта на виду удивлённо нас огибающих пассажиров и милиционеров. Приятель, ставший на воображаемые ворота, несколько раз, рискуя упасть, ловил свой пупырчатый оранжевый мяч. И улыбался такой улыбкой, которая означала: «Что бы вы без меня делали, дураки».

Встреча с прекрасным

Работали в одной одесской конторе. Занимали первый этаж бывшего школьного здания. На втором этаже в отдельной комнате жил Шишок. Непонятный человек, никто его не видел – знали только, что гений какой-то бездомный, большой друг шефа и лучше его не беспокоить. Как-то задержался за полночь, срочную работу доделать – надел наушники с БГ и ору: «Сестра, дык ёлы-палы...» Кто-то по плечу вдруг: «шлёп-шлёп». Оборачиваюсь. Человек в зелёных очках... Если вы видели людей со странными лицами, то могу вас уверить – у этого лицо было ещё более странным. То есть он был сама странность – персонаж из мультика, длинный, в нелепых очках, с гадливой улыбочкой второгодника.

– Снимай наушники, – говорит, – дерьмо твой БГ. Идём, чо покажу.

Ладно, идём. Заводит он меня на второй этаж – там на полу схемка какая-то ламповая, матрас, расстеленный посреди комнаты, и адская аудиомашина во всю стену: огромные колонки, старый проигрыватель пластинок. Отовсюду проводки торчат и всё ко всему подключают. И через всю стену плакат: «ЭЛЕКТРИЧЕСТВО – ДИСЦИПЛИНИРУЕТ!».

Он подходит к адской машине, достаёт диск фирменный, но с потёртым конвертом, а мне говорит:

– Падай на матрас, – и кивает на своё лежбище. – БГ он

слушает... Сейчас услышишь, что такое настоящий звук!

Ладно. Пока я заваливаю свою тушу на его матрас, он врывает звук. И тут начинается. Идёт крутой запил. Чудик бегаёт вдоль аппаратуры с выпученными глазами и орёт: «Так, где мужик падал?» Я пальцем тычу в сантиметрах двадцати над колонками и медленно веду пальцем вниз... «А гитара? Гитара где вступила? Слышал?»... Ну, гитара где-то за окном... Такой он мне аудиообъём показал, что после того, как композиция закончилась, я ещё с минуту головой мотал, как будто хотел звуки из ушей вытрясти.

– Вот это музыка, – говорит он, чуть приходя в себя. – А твой БГ – плоская картонка...

– Круто! – говорю. – Что это было?

– Это? Припортовый завод, – отвечает. И увидев, как много мне это объяснило, – ведёт к ламповой схеме.

– Вот он мой Припортовый завод, вид сверху. Правда, похож? В нём все звуки и есть. Усилитель это. На заказ леплю одному крутому мэну... До этого Академию Жукова лепил, но я её уже продал... Ладно, садись на пол. У меня чай есть и чёрный хлеб. Угощу...

Боже, каких ты разнообразно-талантливых людей создаёшь! Не успеваешь удивляться.

Жук

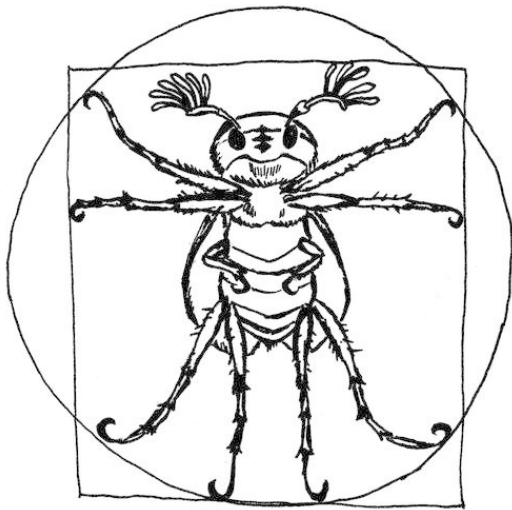
Девяностые годы. У моего друга Андрея тогда фирма была. Полиграфические услуги, разработка фирменного стиля, дизайн. А я на него работал.

Как-то рабочий день к концу идёт, сидим, думаем, что надо бы винца прикупить, ну и вызвонить кого-то на преферанс. Вдруг, без звонка, приходит клиент. Солидный такой, с кожаным ридикулем. Говорит:

– Мы жуками интересуемся. Сейчас общество регистрируем. Как вы насчёт визиток, фирменных бланков? Поможете?

Мы с Андреем переглянулись...

– Извините, чем вы интересуетесь? – переспрашивает Андрей.

– Жуками, – невозмутимо отвечает клиент.

Ну, разные клиенты бывают. У каждого свои жуки в голове. Короче, Андрей начинает ему идеи для логотипа бросать. Не буду врать, что он тогда предлагал, – запомнился только жук с раскрытыми крылышками и раскинутыми лапками, наподобие леонардовского человека, вписанного в круг.

Клиент глазами хлопает, говорит:

– Смело! Но я бы хотел что-то более консервативное...

Андрей спрашивает:

– Что, например?

Клиент оживился, видно, что готовился к встрече.

– Я понимаю, вы художник, у вас воображение развито, а

мне бы хотелось такое... ну, чтобы сразу было понятно, чем мы занимаемся. Поэтому на логотипе я бы хотел видеть... Например, фару или колесо...

Клиент был из общества владельцев автомобилей «Жук-Фольксваген».

Отвальная

Не приведи Бог видеть еврейский бунт...

Провожали в Израиль Семёна. Шумно, много еврейского люду, хотя и не его только. Большинству по двадцать лет. Только из армии. Когда выпито было достаточно, кто-то, самый шальной, предложил: «Здесь рядом женское общежитие – идём знакомиться».

Молодое дело – нехитрое. Пошли толпой. Пост охраны прорвали, не слушая бабушку на вертушке. Смели подоспевших то ли охранников, то ли дружинников – вернее, они просто благоразумно расступились. Оккупировали почему-то один только этаж. Я стеснительный. Даже после лошадиной дозы спиртного – подозрительно скромнен и трезв. Потерялся. Не знаю, что делать. Подхожу к девушкам, пытаюсь умное что-то сказать, теряюсь и отхожу. Кто-то мне говорит: «Идём искать Шимона...» Я обрадовался. Всё ж какое-то дело. Стали, стучась, по комнатам проходить. Некоторые, правда, открытые были.

Заходим в первую. Сидит там один из наших, отмечавших. Присел на диван и опешившей девушке что-то «втирает». Прислушался.

«Слушай, “Асса” – это обязательно к просмотру. Скажи ещё, что Гребенщикова не слушаешь...» Тут он на нас обратил внимание, деликатно пятящихся в коридор. «Вы ку-

да?.. Шимона ищите? Я с вами... Пока, Света, а “Ассу” обязательно посмотри...» Ходим из комнаты в комнату. Семёна ищем, хотя на самом деле всех собираем. Девушки, поначалу испугавшись, теперь шалеют от такой «гоп-стоп» компании. Некоторые даже обижаются.

Пока все спустились – выход перекрыли. Подкрепление из мужского общежития вызвали. Но пьяным – море по колено. Перепрыгнули через вертушку, растолкали молодых са-лаг и на улицу вывалили. Идём. Я рядом идущего спрашиваю: «А Семён-то где?» – «Да вроде домой ушёл. Ему завтра рано вставать», – отвечает. «А хорошо прошлись. Будет что вспомнить...» Вот вспоминаю...

Не приведи Бог увидеть еврейский бунт, бессмысленный, но деликатный...

Когнитивный диссонанс

Лет двадцать назад в Одессе зашёл одноклассника проводить, а у него сабантуй по какому-то поводу. Компания...

Публика богатая, в массивных золотых побрякушках, и какая-то мутная... Ладно, сидим за столом. Пьём водку, разговариваем. Вдруг один говорит, обращаясь ко мне:

– А вот евреи же страну разграбили, народ – споили. А бабло себе прикарманили.

Я обычно спокойней штукатурки, а тут забухтел что-то, поднялся, стал угрожающе приближаться. А он даже не испугался, просто не понял.

– Да ладно тебе. Чего возбужаешь? Молодцы! Уважаю!

...Даже не знаю, как мне это своё состояние описать...
Есть такое выражение «двойной когнитивный диссонанс»?

Шейка

Однажды жена, осмотрев меня критически, сказала:

– Как-то ты захирел на моих украинских разносолах. Надо бы тебе что-нибудь твоё, исконное приготовить. Будут заказы?

Я обнаглел и попросил шейкес. Жена тяжело вздохнула и, как фея из «Золушки», пошла на кухню готовить.

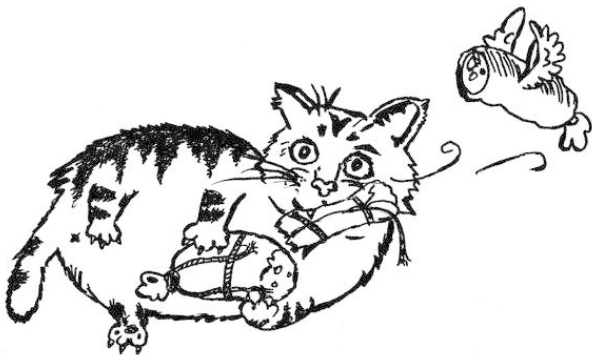
Не помню, сколько часов прошло. Короче, когда шкурка была с курицы снята и нафарширована, взяла жена нитку, иголку и стала зашивать. Я рядом стою. Ценную информацию подсказываю. Стежки считаю. У жены руки заняты – она меня коленями с кухни прогоняет. Позвала только, когда курицу в духовку нужно было ставить.

Шейка готовится. Мы сидим, ждём. Пересохшие от нетерпения губы облизываем. Наконец, жена смотрит на часы. «Пора», – говорит. Идёт, достаёт. Ставит на плиту... У меня нервный тик от нетерпения делается. И в этот момент... планово отключается свет (не знаю, как сейчас – в те годы в Одессе практиковалось, на час выключали). Я говорю: «Давай свечи зажжём и при свечах её...» Жена, блин, романтик, саркастически на меня смотрит: «Шейка при свечах... Нет. Как-то шейка со свечами у меня в голове не укладывается... Час подождём, ничего с нами не случится».

Час проходит за моими воспоминаниями о том, как ба-

бушка готовила шейку... Уже готовая меня убить жена смотрит в тёмное окно и, вероятно, про себя читает какую-то христианскую молитву о смирении. Ну... или шепчет что-то из своего любимого Ходасевича... Наконец свет неожиданно появляется, сразу во всём доме. Мы синхронно смотрим на плиту и видим...

Мы видим нашего кота, толстого увальня Малыша, который, склонившись над шейкой, аккуратно разгрызает зубами нитки и жадно заглатывает фаршированную начинку. Мы орём и бежим к шейке. Кот, после секундного размышления, ныряет из кухни в комнату и прячется под кроватью.

Не помню, чем мы поужинали. А шейку я с тех пор не ем. Как подумаю о ней, сразу вспоминаю нашего Малыша, вгрызающегося в начинку. А ведь могли съесть её романтич-

но, при свечах, за разговорами о Шиллере, о славе, о любви... Читая друг другу стихи, облизывая пальцы и представляя звон бокалов.

В день памяти мамы

Маму мой старший брат называл «итальянской женщиной». Громкая, руки – радость антисемита: даже по телефону говорила, жестикулируя, прижав трубку плечом к уху. Прямо, как Толстой – не могла молчать. Если рядом не было людей – разговаривала с кошками, голубями.

Была искренна, как ребёнок. Если кого-то не любила – тот узнавал об этом сразу же. Без приглашения приехал муж племянницы, которого недолюбливала, подозревая в неверности жене. Пока он распаковывал чемоданы, став напротив него, так и сказала:

– Ты мне не нравишься, слышишь? Если уж приехал – можешь жить, но кормить тебя не стану и к холодильнику – не подходи.

Внешне походила на турчанку или узбечку – с красивым, слишком восточным лицом. В сорок выглядела на двадцать пять.

Люди к ней липли. В очередях не отпускали, пока не расскажут всю свою жизнь. Помню, когда вернулся из армии и возил маму в больницу на химию (у неё долгие годы была онкология), какой-то мужичок вдруг стал признаваться ей в любви. Говорил, что искал её всю жизнь и звал замуж.

Мама в это время выглядела изнурённой, по крайней мере, смотрелась на свои пятьдесят... «Жених» был явно мо-

ложе. Мама спокойно ответила, с детскими нотками в голосе: «Молодой человек, меня мой взрослый сын везёт на химиотерапию в больницу. А вам лучше говорить такие слова своим сверстницам». А когда пришли домой – усадила меня за стол. Открывала шкафчики. Говорила ровным голосом:

«Я скоро умру. Ты должен знать, где и что лежит. Твой папа слишком в небесах – лучше я объясню тебе».

Мне всегда казалось, что на отца она не обижается, считая, что он живёт в вымышленном мире... Как-то я пришёл, когда мама была дома одна. Она сидела на полу, перед ней были сложены горкой папины буклеты по живописи эпохи Возрождения, книги о Леонардо, анатомические учебники Бамеса. Мама подошла к ним, и книги только начинали разгораться. Я улетел на кухню, схватил чайник, наполнил водой и, расплёскивая, бросился в комнату тушить.

Я залил огонь. Продолжала тлеть только обложка книги по строению человека, лежавшая на самом верху горки. Я сел рядом с мамой и обнял её. Так и сидели на полу, бесконечно рассматривая испорченные, мокрые обложки.

Говорухин

Жена спрашивает:

– Слушай, а правда, что у тебя в детстве, в Одессе, за стенкой жил режиссёр Говорухин?

– Да, – говорю. – За одной стенкой Говорухин с женой и собакой, а за другой алкоголик дядя Ваня с сестрой и труднопроизносимой польской фамилией... Помню, постоянно лежал под дверью, а через него приходилось переступать. А он добрый был. Извинялся и конфетки из кармана протягивал.

Жена напряглась:

– Кто под дверью лежал? Говорухин?

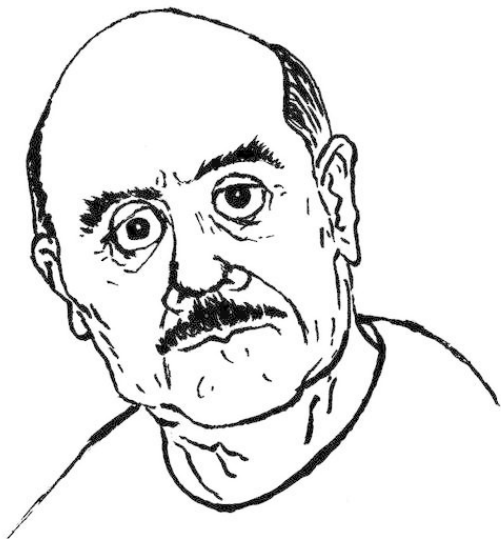
– Почему Говорухин? Сосед дядя Ваня. А у Говорухина была собака замечательная. Первый в Одессе бассет-хаунд. Бывало, выведет он его на прогулку. И, знаешь? Голова большая, глаза умные, губы свисают.

Жена с сомнением:

– У Говорухина?

– Да нет же! У его собаки. Бассет-хаунда.

– А Говорухин-то что? – спрашивает жена.

– А что, Говорухин? Стена-то одна, а подъезды разные. Встретишь его, когда он собаку выходит выгуливать, скажешь: «Доброе утро!», он в ответ кивнёт задумчиво. Подойдёшь, погладишь... Шёрстка такая колючая...

Жена кивает:

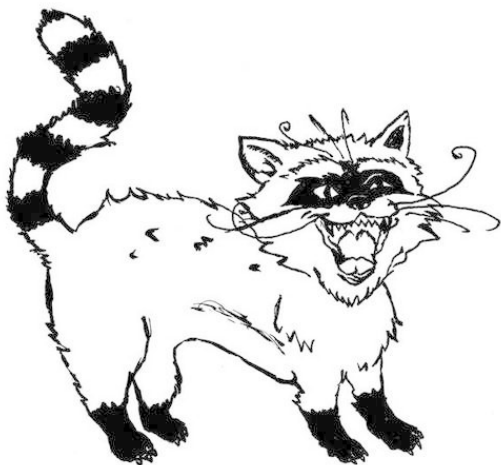
– У Говорухина.

Кошкин дом

У знакомого в квартире жила енотовидная кошка. Злобное такое существо с удлинённой мордочкой. Когда мы приходили к ним в гости – оно сидело в кресле и угрожающе на нас шипело. Хозяева предупреждали, что это «шшшшшш» не просто так. Не одна нога была прокушена в этой комнате из-за опрометчивых движений. Так как хозяева тоже её побаивались, проход в комнату был примерно таким: хозяин брал свёрнутый ватман и, отмахиваясь от животного, проводил гостей к столу. Потом, отмахиваясь тем же ватманом, шёл на кухню за припасами. Ставил на стол, и тут обнаруживалось, что кому-то не терпится в туалет... В руки снова брался ватман... Хозяин дежурил, как верный оруженосец под дверью, а потом провожал за стол. Пока он не возвращался – оставшиеся за столом нервно оглядывались, но стол, вероятно, был заколдованным местом... Кот не решался к нему подходить...

И вот однажды, после хорошей дозы спиртного, я проснулся утром на диванчике. Оглядевшись, я обнаружил, что кот мирно спит в моих ногах. И даже урчит (урчал он, кстати, как трактор). Никого, кроме меня, в комнате не было. Попытался двинуться – кот недовольно зарычал. Хотелось в туалет, хотелось чая с лимоном, хотелось кричать и звать на помощь. Я позвал на помощь. Кот поднялся и перелёг мне

на спину. Он был примерно в полтора раза больше обычного кота, и я даже как-то прогнулся под его весом.

Очень хотелось в туалет. И я решился на безумный поступок. Микроскопическими передвижениями я спустился с кровати на пол и стал на четвереньки. Самое удивительное, что кот продолжал лежать на моей спине. Теперь, как индийский слон, маленькими шажками коленей и ладоней, я стал продвигаться в сторону туалета. Кот урчал. Выйдя из комнаты, я ошибся. Пошёл в сторону второй комнаты, хотя туалет был рядом с кухней. Разворачивался я каким-то хитрым способом, на рёбрах ладоней, опираясь на одно колено, а второе вытянув как в «ласточке». И надо же было...

Когда до дверей туалета оставалось каких-то пять ладонных шагов, шумно открылась дверь второй комнаты и из неё выглянула голова хозяина. Обнаружив этот конный проход, он исчез и снова появился уже с ватманом... Увидев ватман, кот поднялся на моей спине, вгрызаясь в неё когтями.

Я понял, что медлить – смерти подобно. И взлетев с низкого старта, головой открыв дверь, влетел в туалет. Кот, цепляясь когтями за рубашку, влетел со мной. Там он, наконец, отцепился и прыгнул на пол. И вот теперь мы стояли в узком туалете, лицом к лицу. Я оказался быстрее и вылетел пулей из него, закрыв за собой дверь. Очнувшийся кот стал бить лапой по двери.

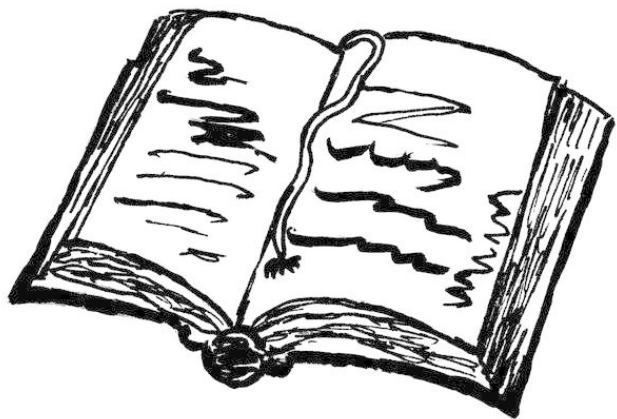
Я понял, что спасён, но в туалет всё одно хотелось... Никогда не забуду, как мы вдвоём с хозяином выкуривали кота из туалета. Я взялся за ручку двери, хозяин изготавился с ватманом. Я резко открыл дверь, хозяин ловко оттеснил его ватманом, точно это была клюшка для гольфа, и я влетел в туалет... Закрывая, я слышал, как хозяин взвизгнул. Кот всё же успел один раз достать его лодыжку.

Удар со стороны классика

Однажды я узнал, что последний классик идишской литературы Ихил Шрайбман посвятил моему прадедушке целый рассказ. Я стал пытаться отца. Он отвечал неопределённо, мало что знал и вообще слабо интересовался темой. Он боготворил живопись и архитектуру, мог часами смотреть на репродукции Леонардо и Тициана, восторженно рассказывал о своём преподавателе Щусеве, а литературу считал делом неблагородным и бесполезным. Пришлось предпринять целое расследование.

По косвенным данным я установил, что нужная мне книжка называлась «Рашковские рассказы». Около месяца я искал по всем библиотекам, пока однажды не наткнулся на неё. Мне согласились выдать книгу, с условием, что я не вынесу её из читального зала. Прошло, наверное, часа полтора, прежде чем я наткнулся на нужный мне рассказ. И я прочитал: «Удастся ли Земле второй раз родить такого идиота, каким был этот господин...» И дальше три страницы Ихил Шрайбман очень ругал моего прадедушку за глупость и пустое бахвальство. Я героически прочёл рассказ до конца.

И прочитав, согласился со своим отцом, что писание книг – занятие для людей грубых и злопамятных.

Автобиография

Я родился в нестандартной еврейской семье. Пока других еврейских мальчиков и девочек отдавали на скрипку, фортепиано, а самых бездарных водили на шахматы, мой отец, архитектор по профессии, мечтал вырастить своих детей художниками. Все возможные блаты в Одесской художественной школе – у него были. Даже если бы я нарисовал на вступительных экзаменах спичечный коробок – круглым, мне было не отвертеться. Поэтому, в отличие от своего, более покладистого в детстве, брата, я сказал решительное: «нет». Отец очень опечалился и заявил, что его младший вырастет разбойником. Мама его утешала, объясняя, что я, в крайнем случае, могу стать писателем – ведь читаю же я для чего-то эту «прорву книг».

– Представь, – говорила она, – старший станет художником, младший – писателем. Мы вырастим приличных еврейских детей, которыми сможем гордиться.

Но брат вырос. Стал менее покладистым, поступив в Художественное училище им. Грекова... но на скульптора. Что, несомненно, уже нарушало папины планы. А потом и вовсе бросил училище, став обыкновенным гениальным механиком. Зато он понимает суть вещей. Не дай бог спросить у него, как устроен движок машины. Лекция на полчаса обеспечена. Он назовёт всё, включая последний винтик. Как-то

по телефону я задал ему простой вопрос:

– Как здоровье?

Брат стал объяснять внутреннее строение человека. Иногда, отвлекаясь, я забывал, что он говорит о человеке. Мне казалось, что он разбирает движок машины.

А я так и не стал писателем. Пишу что-то, пишу постоянно и даже, кажется, немного кормлюсь с этого, но не писатель. При этом, когда я чувствую запах скипидара, разглядываю заляпанный красками мольберт и наблюдаю отмокающие в стакане кисточки, испытываю резкий приступ ностальгии... Мама, будь она жива, сказала бы, наверное:

– Один мой сын – гениальный механик, другой – что-то пишет, бог его знает что... Гордиться нечем...

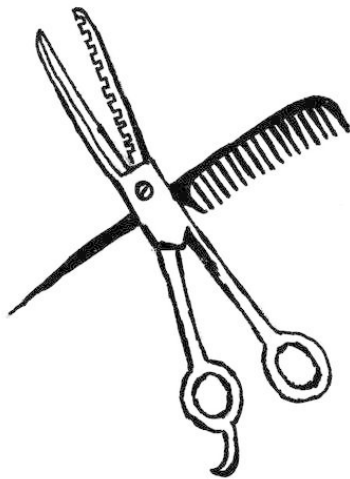
Вот так, с возрастом, понимаешь, что в детстве нужно быть покладистей и слушаться родителей. Особенно, если у них есть блат в художественной школе.

Фобии

У нас же всех есть свои фобии. Мы все кого-то ненавидим, кого-то боимся. У меня, к примеру, две фобии. Я боюсь крокодилов и парикмахеров. Крокодилов – даже не знаю почему – грехи прошлых жизней, наверное. А парикмахеров... Вот парикмахеров – очень даже знаю.

Во-первых, они постоянно крутят ножницами в опасной близости от ушей. А во-вторых – стригут не так, как их просишь. «Мне, пожалуйста, покороче». – «Вам так не пойдёт!» Потом смотришь на себя – ну чистый Гоголь. Оказывается, мне так идёт. Для меня сходить к парикмахеру, как для других, наверное, посетить стоматолога.

Однажды, видя мои страдания, мне вызвался помочь мой отец. Он у меня был архитектором. Я думаю, если человеку здания доверяют проектировать – неужели с головой не справится. И согласился.

Папа минут пять крутился возле меня, прикидывая, что бы ему такого выстроить: рококо или готику. Потом принялся швейными тупыми ножницами кромсать мои пряди. Я насторожился. По его губам и выражению глаз я понял: что-то идёт не так. Но папа, не останавливаясь, вырубал на моей голове целые просеки. Я не роптал. Он в это время участвовал в реконструкции Одесского оперного. Где я, а где Оперный. Неужели не ясно.

Ещё несколько прядей полетело на пол.

«Так, замечательно, – сказал он. – Пойду возьму ножницы поменьше».

Папа вышел из комнаты. Я стал разглядывать себя в зер-

кало, пытаюсь понять: что именно папа ваяет. Что-нибудь в стиле Гауди или ратуши Лира. Я даже не сразу заметил отца, который стоял в дверях уже в плаще и шляпе.

«Мне нужно выйти ненадолго», – сообщил мне отец. Он ещё немного полюбовался на свою работу, после чего добавил: «Знаешь, так оставлять нельзя. Сходи в парикмахерскую. Если будут спрашивать – скажешь, что вернулся из экспедиции».

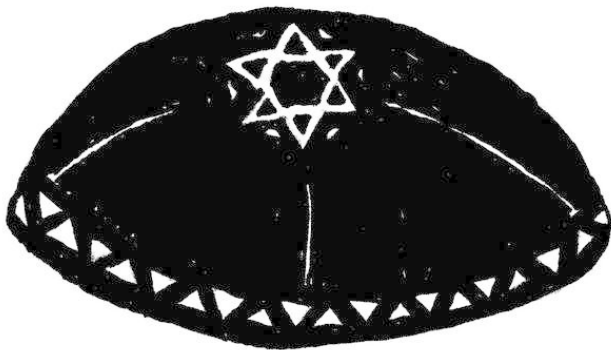
С тех пор я хожу к распроклятым парикмахерам, которые стригут меня под Гоголя.

Одесский антисемит

Знакомый израильтянин (бывший питерец) гостил в Одессе. Спрашиваю его: «Как Одесса?» – «Сейчас расскажу». И рассказывает:

Подружился с одесситом, который ему комнату сдавал. Тот как-то говорит:

– Слушай, тут... неплохо бы к моему соседу спуститься, поговорить. Но... Только я тебя должен предупредить: этот мой сосед – хороший парень, но антисемит...

– В смысле? – не понимает израильтянин.

– Ну... евреев не любит. Тебе может что-то ляпнуть... Хотя на самом деле он нормальный хлопец, к тому же сам ев-

рей...

– Кто? – снова не понимает израильтянин.

– Ну этот... антисемит... У него в семье все евреи, но фамилию поменяли, зашифровались, а сейчас из-за взглядов сына его родители боятся ему признаться.

– А ты-то откуда знаешь, что он еврей? – спрашивает израильтянин.

– Да у нас весь двор об этом знает... Просто его родители просили ему не рассказывать...

– И что? Весь двор молчит? – не верит израильтянин. – Он ничего не знает?

– Нет, – говорит друг, – причём его даже били несколько раз, потому что похож на еврея...

– А он? – интересуется израильтянин.

– А он только больше евреев стал не любить...

Израильтянин подумал и сказал:

– Слушай, а о чём мне с ним говорить? Он ещё ляпнет чего, я ему отвечу...

– Да нет, ты не подумай, – говорит одессит, – просто у него жена еврейка. Решили по её линии в Израиль перебраться. Вот... хочет расспросить, что там и как...

Спортивный интерес

Приехала моя тётя из Израиля. Поселилась у друзей. Но мы с ней часто виделись. Как-то говорит мне: «Знаешь, в Израиле нет нормальных кастрюль. И стоят они целое состояние. Похожу по Одессе – куплю себе кастрюлю». От моей помощи отказывается, но обещает держать в курсе. Звонит вечером:

«Чуть было не купила в центре. Но мне продавец сказал по секрету, что на Таирова продают такие же, но дешевле. Беру такси и лечу туда...»

«Тётя, – говорю. – Вы же одну кастрюлю купить хотите. Вам, наверное, такси как раз разницу в цене покрыло. Не мучьте себя. Покупайте просто то, что нравится».

«Нет, – говорит. – У меня проснулся спортивный интерес... Люди на Таирова сказали, что если подъехать на Посёлок Котовского, там на базарчике можно купить совершенно за смешные деньги. Сегодня не успела – съезжу завтра».

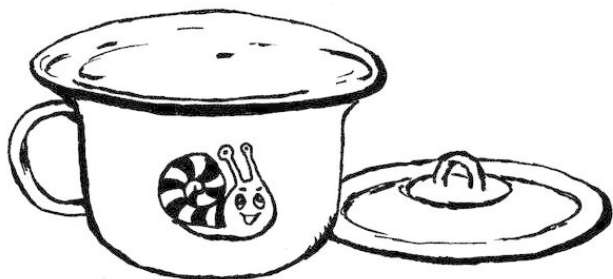
«Удачи, – говорю. – Держите меня в курсе».

Встречаемся вечером следующего дня. Тётя, прежде чем сказать «здрaсте», тащит из чемодана упакованную кастрюлю. Хвастается: кастрюля стоила столько, что ей вроде как бы ещё и доплачивали, чтобы она взяла. Снимает с неё бумагу, протягивает мне...

Осматриваю, поднимаю крышку, держу кастрюлю за

единственную ручку, говорю:

«Тётя, не знаю, как выглядят кастрюли в Израиле. Но... то, что вы купили, у нас называется детский горшок...»

Игры разума

В середине девяностых я проездом оказался в Жмеринке. Решил, если не изучу этот мировой очаг еврейской культуры – потом себе не прощу. Бродил по улочкам в поисках центра города, пока местные жители мне не объяснили, что это, собственно, «самый центр» и есть. Я уже хотел возвращаться на вокзал, и тут обрушился ливень. Пришлось спрятаться в подворотне. От нечего делать стал изучать почтовые ящики, прибитые к стене возле ворот. «Я. Аптекарь», – было выведено красной краской на первом. «И. Я. Аптекарь», – гордо сознавался второй. «А. Я. Сидоренко», – как-то сиротливо сообщал третий. Первый раз я видел настолько болтливые почтовые ящики. Они наперебой сообщали мне банальную историю из жизни одной еврейской семьи. Старик Яков Аптекарь выдал свою дочь Аню за приезжего специалиста товарища Сидоренко, после чего товарищ Сидоренко испарился, оставив Ане ребёнка и жилплощадь. Я живо представил себе всех персонажей в лицах. Яков тяжело кашляет и ходит, прихрамывая на правую ногу. Сидоренко – высокий, вежливый человек, с русыми редкими волосами. У Ани красивые карие глаза и килограммов двадцать лишнего веса... Почему-то Илья Яковлевич, старший сын Аптекаря, никак не хотел представляться и явно выпадал из истории.

Ливень закончился. Возвращаясь на вокзал, я набрёл на

Доску почёта лучших людей города. Как сказал бы экскурсовод: «Произведение зодчества начала восьмидесятых годов...», с выцветшими от времени фотографиями. Здесь были и слесарь Исаак Шапиро, и монтажник Марк Левин, и даже прораб Самуил Пинхасович Ротшильд. Но больше всего меня поразил технолог Абрам Яковлевич Сидоренко. Он путал все карты, отменяя мои прозрения из жизни Ани, дочери Якова.

Кот по имени Доминик

1

Эта история началась с самого обыкновенного кулинарного рецепта. Должна была зайти в гости моя американская тётка. А в холодильнике, кроме фарша, ничего не было. И моей жене пришла в голову гениальная мысль. Приготовить фарш в виноградных листьях. Всё бы хорошо – только где-то нужно было эти виноградные листья раздобыть. И мы, несмотря на позднее время, пошли их искать. На улице было темно, каждый второй фонарь – разбит. Не то что виноградных листьев – мы и собственных ладоней не видели. Так и вернулись бы ни с чем, если бы не услышали настойчивый писк из подворотни. И мы, не стовариваясь, пошли на звук.

Источником писка оказался крошечный, лежавший под тусклой дворовой лампой, котёнок, судя по всему оставленный матерью без молока и умирающий. Что оставалось нам делать, как не посадить его на ладонь и не отнести домой?

При домашнем освещении котёнок оказался довольно бандитского вида. Он решительно отказался от молока из соски, но на ошметки бульонной курочки пошёл с остервенением.

– Давай назовём его Птичкой, – предложила жена.

Рахит и дистрофия так причудливо объединились в этом существе, что он действительно стал похож на пернатого. Не хватало только крылышек за его неправильно сросшейся дугообразной спинкой.

2

...Прошло несколько месяцев. За это время моя жизнь резко изменилась. Как будто какая-то кошка пробежала между мной и моей женой. Мы стали ссориться. И однажды жена собрала вещи и переехала к матери. Но вечером всё же позвонила. Конечно, сказала она, наши отношения переживают не лучшие времена. Но у нас есть кот, которому нужна наша помощь.

Дело в том, что этот подросший и возмужавший, но ещё не вполне залечивший дистрофию красавец умудрился подхватить свищ, отчего бока его не только кровоточили, но и гноились. Он пытался вылизывать себя самостоятельно, но требовалась врачебная помощь. Заключалась помощь в том, что я держал животное спереди, а жена сзади методично опускала ему в рану ватку с какой-то дрянью. Отчего кот истошно кричал, рвал когтями мои руки и джинсы и, временами утихая, нервно закатывал глаза.

Процедура имела место дважды в неделю. Жена приезжала, и мы, не разговаривая, брались каждый за свою половину кота. И начинали экзекуцию.

К сожалению, коты не пьют алкоголь, не ругаются матом и никогда не слышали о том, что боль надо переносить стойко. Поэтому наш кот всеми доступными способами объяснял нам, что ему больно. Объяснял, в основном, мне. Причём, надо отдать ему должное, каждый раз находил всё более веские аргументы. Пока однажды не погрузил свой заражённый клык в мой большой палец.

С котом разговаривать было бесполезно. Жена водила моим пальцем в наскоро приготовленном содовом растворе и тоже вроде бы была стороной пострадавшей. Если я кого и казнил, то себя, согласившегося жить и ежедневно лицезреть этого везунчика жизни, само присутствие которого заставляло усомниться в разумном построении мира.

В этот раз жену я отослал самолично. В ближайшую неделю переносить я мог только отца и, как ни странно, нашего красавца-кота. Раны и увечья нас как-то сблизили.

3

Прошла ещё неделя. Кот, оставленный без ухода, на удивление быстро выздоравливал. Свищ рубцевался на глазах, и коричневая корочка местами уже отпадала, обнажая какое-то подобие розовой кожи. А вот моему пальцу не помогали ни содовые растворы, ни спиртовые примочки. Он разбухал, становился неопрятно-бесформенным.

Жена при очередном визите, увидев мой палец, запанико-

вала и потащила меня в ветлечебницу. Какая-то практикантка, дежурившая в тот день, внимательно нас выслушала, погибала мой палец с той брезгливостью, с которой ветеринар и должен осматривать людей. Узнав, что кот домашний, она немного оттаяла и, в конце концов, согласилась выдать мне для человеческого врача справку, назначение которой я так до конца не понял. Но вот то, что касается самого содержания справки... Вот что там было написано:

«Кот по имени Доминик (так звали этого везунчика), проживающий по такому адресу: дом такой-то, квартира такая-то, укусил гражданина Небольсина такого-то числа такого-то месяца. Подпись».

Выходило, что кот, «проживающий по адресу», укусил какого-то бездомного гражданина... Так я прочёл эту справку. Что ж, унижения только начинаются. Чем хуже – тем лучше, решил я. И промолчал.

4

Вслед за ветлечебницей мы посетили поликлинику. Вывеска над дверью районного врача внушала надежду: «Кандидат медицинских наук, хирург, доктор Такой-то». Непонятно было, что кандидат и хирург делает на приёме в районной поликлинике. Непонятно было, пока мы не постучались и не вошли.

Лицо хирурга напомнило мне физиономию одного моего

знакомого печатника, потомственного алкоголика Витю.

Витя любил уходить в месячные запои. Поэтому его зарплату приходила забирать жена. Как-то незадолго до описываемых событий я зашёл к нему на работу, и Витя филигранно выцыганил у меня деньги на маленькую пивную кружку. После чего, не снимая синего рабочего халата и не переобув тапочек, – незаметно исчез. Ни родные, ни милиция так и не смогли его найти. Кто-то, правда, через полгода рассказывал, что видел Витю на паперти, возле центрального собора. Он был всё в том же синем халате и тех же тапочках. Становилось понятно, отчего кандидат медицинских наук работает в поликлинике на приёме.

Хирург был трезв как стекло, но всё в нём говорило, что пьёт он крепко и запой – не чужое для него слово. Осмотрев мой палец, больно нажав на него, он радостно постановил: будем резать! После чего мы приступили к организационной части. Наркоз лучше купить самим, бинты и вату – тоже. Ну и кандидат от дополнительного вознаграждения тоже не отказывался. При условии, конечно, что деньги вперёд. Короче, через часа полтора мы вернулись с бинтами и наркозом. Вбежали на 2-й этаж поликлиники, прошли коридором, толкнули дверь...

Доктор не зря напомнил мне печатника Витю. Он сидел в своём кабинете на столе, счастливо-пьяненький, что-то объяснял медсестрёнке, путаясь в словах. А та, вежливо наклонив голову, пыталась спастись от перегара.

– О! А вот и ребята, – радостно сообщил доктор, покачиваясь в нашу сторону. – Прощу к операционному столу!

И нетвёрдой походкой направился мыть руки.

Жена обожгла сострадательным взглядом. Потянула за руку: «Ладно, идём искать другого врача». Я задумался. После чего махнул рукой и отправился за хирургом.

5

Я лежал на жёстком холодном столе. Хирург, пошатываясь, ходил по комнате и пил воду из массивной колбы. Другой рукой он обмахивался, пытаясь прийти в себя.

Дальнейшее было скорее муторно, чем больно. Щёлкали ножницы, падал на пол скальпель. Встал я со стола с чётким ощущением, что врач отрезал у меня одну фалангу большого пальца. А чтобы я не испугался – подложил в повязку кусок резины. Несмотря на абсурдность этой мысли – я никак не мог выгнать её из головы и сразу же поделился ею с женой.

– Да ну! – не поверила она. Но сквозь повязку на палец всё же нажала. – Не больно?

– Нет, не больно...

6

На перевязку я направился в собственный день рождения.

И, пока врач разворачивал запёкшийся кровью бинт, спросил:

– Извините, а пить я могу?

Хирург не понял.

– Ну пить. Водку, вино, пиво...

Хирург опять не понял.

– А что? Не наливают?

– Да нет, – терпеливо объяснял я. – У меня день рождения.

Так вот – могу я выпить или не стоит?

Я знал, у кого спрашивать.

– А как же, – хирург расцветал на глазах. – Конечно, можешь. Нет... Ну конечно, не напиваться. Ну триста грамм, ну четыреста... – он почему-то стал серьёзным, – не больше. А чего ты спрашиваешь?

– Да вот, – говорю, – друг мой, врач по профессии, считает, что не стоит.

– Врач говорит – «нельзя пить»?! – не поверил он. – А что за врач?

– Студент медицинского института, – объяснил я.

– А, студент, – успокоился хирург. – Это бывает, – продолжал он, разматывая бинты. – Нельзя, говорит. Так и говорит? – неожиданно, всё ещё не веря, спросил у меня.

Я неопределённо мотнул головой, дескать, так и говорит... А врач все ещё разматывал бинты. И я с нетерпением ждал появления своего пальца.

Но то, что я увидел, оказалось настолько фантастичным, что я... в общем, попытаюсь просто описать это.

Мой палец был сверху прорезан в двух местах, и в отверстия – продет резиновый жгутик. Концы жгутика два раза обернуты вокруг пальца, и на втором витке эффектно завязаны на бантик.

Созерцая палец, я, честно говоря, забыл обо всём остальном. Настроение моё улучшилось, сделалось как-то весело и празднично. Отчего-то мне показалось даже, что отныне всё будет хорошо. Что какая-то чёрная полоса в моей жизни закончена, и вот теперь даже врач дарит мне в подарок мой собственный палец, завязанный на бантик.

...Кот Доминик спустя полгода перестал проживать по адресу улица Такая-то, дом такой-то. Укатился от нас, как колобок, в поисках лучшей жизни, проща говоря – поправился и сбежал. А справку я потерял – ещё несколько лет демонстрировал её во время пьяных посиделок, а потом – испарилась она, растаяла вместе с прежней моей жизнью.

Праздник свободы

1995 год, Одесса. Я тогда только с первой женой развёлся. Жил с отцом. И котом Домиником. Но кот, в данном случае, не в счёт. Однажды возвращаюсь домой с работы. Звонит уже бывшая жена: «Геша, с праздником!» – «Какой ещё праздник?» – спрашиваю. «Здрате! – говорит жена. – Сегодня же ваш еврейский Песах! Не знал?»

Ну, поблагодарил... Полез на шкаф. Там у нас с прошлого года початая упаковка мацы лежала.

«Пап! – кричу. – Сегодня Песах. Сядем, наверное. Отметим?» Открыли холодильник – пусто. Только бутылка водки стоит. Осталась с какой-то вечеринки.

В магазин бежать не стали. Сели, пьём некошерную к Песаху водку, закусываем мацой. Папа задумался.

«Что-то я забыл... – говорит. – А Песах – какому событию посвящён?»

Я уже что-то читал, куда-то приглашали... Начинаю тарбанить: «Смотри. Были евреи рабами в Египте...» Минуты не проговорил, смотрю – у папы глаза увлажнились. А я и не помню, чтоб он плакал. Да и выпили-то – по чуть-чуть. «Пап, ты чего?» – беспокоюсь.

«Знаешь, – он отвечает, – в детстве, ещё когда мы жили в Трансильвании, я должен был на Песах подойти к отцу и спросить о празднике. А мой отец начинал важно переска-

зывать. Прямо, как ты сейчас».

«Ну, ты же сам спросил...» – оправдываюсь. А отец уже не слушает, только повторяет: «Вот так, сначала отец мне рассказывал, теперь – ты...» Папа совсем расклеился. Да и я не знал, как его успокоить.

И вдруг отец поднимает голову. Говорит: «Знаешь, я в детстве всегда на середине седера засыпал. Так что, давай, рассказывай. Чем там у них всё закончилось...»

Тётя Витя

Как-то сидели с друзьями у меня дома. Вдруг приходит родственник. На минуту зашёл, по какому-то мелкому делу. Поговорили, он прощается. Мои друзья спрашивают: «Это кто-то из твоей семьи?» – «Да, – говорю. – Дядя Миша, муж тёти Вити».

Народ как эту «Витю» услышал – заржал. Я объясняю, что его жену зовут Витольда – нормальное такое имя, «а не то, что вы подумали, козлы».

Долго мне эту «тётю Витю» вспоминали, только где-то о каком-то родственнике заговорю – тут же находится весельчак, который спросит: «Это какой? Это муж тёти Вити?»

Короче, прошли годы. Я уехал в Израиль. Женился. Мы с друзьями по скайпу общаемся, иногда даже дни рождения так справляем.

Как-то звоню, счастливый. Говорю: «Можете меня поздравить, девка у меня». Друзья поздравляют, кто-то за бутылкой побежал. Говорят: «Как назвали?» – «Роми, – говорю. – Но между собой называем её Ромкой».

Друзья затихли. «А что, хорошее имя!» – говорят.

И уточняют: «Геша, напомни, а кем твоя дочь Ромка приходится тёте Вите?»

Чудо

Как-то я потерял украинский паспорт. Всё бы ничего, если бы это не случилось за месяц до отъезда в Израиль и в паспорте не была проставлена израильская въездная виза.

Выдали мне бумагу, которую должен был подписать какой-то большой чин в ОВИРе. Но меня сразу предупредили. Этот большой чин – большая сволочь. Денег, чтобы купить его, у меня не хватит, а нервов он мне испортит – мало не покажется. На вопрос – что делать? – усмехнулись.

– Во-первых, не надо было терять паспорт. Во-вторых, расслабиться и сдать билеты. В-третьих, надеяться на чудо.

Я позвонил. Назначил время приёма, взял эту форму и пошёл надеяться на чудо.

Захожу в его кабинет, сажусь, объясняю ситуацию. Чин смотрит на меня гаденьким взглядом, открывает рот... и не может ничего сказать. Сам этому удивился... Снова открыл рот и... снова ничего сказать не смог. По лицу видно, испугался, быстро подмахнул форму и показал рукой: «идите, идите...»

Выхожу, дверь за собой закрываю. Секретарше говорю: «Там вашему шефу плохо. Говорить не может». Секретарша рукой машет и характерным жестом показывает мне: напился человек... Видать, не рассчитал.

Так выпьем же за алкоголизм, который иногда творит са-

Мы настоящие чудеса.

Таможня даёт добро

В Израиль из Одессы уезжали в 1998 году. Так как своих вещей почти не взяли – согласились перевезти вещи родственников и друзей. Упаковали ящики и поехали в порт. Нас сгрузили среди других отъезжавших, и мы стали ждать «злых таможенников», для которых у меня было приготовлено пятьдесят баксов.

Пришёл хмурый усатый человек в форме и стал перетряхивать вещички наших соседей. Что-то отставлял в сторону, ругался, махал руками. Когда соседи были сломлены и уничтожены – таможенник решительным шагом направился в мою сторону и, обогнув меня, нырнул в первый раскрытый ящик. И тут же вынырнул с выражением растерянности на лице.

– Что это? – спросил он, морщась.

Дело в том, что первый из двух огромных, в человеческий рост, ящиков доверху был забит книгами тёти жены.

– Это, – говорю я ему, – музыкальная библиотека. Ценных книг нет – ноты, биографии композиторов, учебники по композиции...

Подозрительно на меня посмотрев, таможенник аккуратно заглянул во второй ящик.

– Это, – опередил я его, – художественный архив моего отца. Вот справки, что архив можно вывезти.

Таможенник, скорее по привычке, затравленно заглянул в дальний угол ящика. Но я уже поймал фишку и начал импровизировать (прятать мне было нечего, действовал я из чистой любви к искусству).

– Там моя пишущая машинка, – важно сказал я, – и рукописи.

Я соврал. Там лежали тарелки, ножи, что-то ещё, сброшенное из кухонных ящиков и завёрнутое в скатерть, но эта фраза вконец добила таможенника. Можете мне не верить, но глаза его увлажнились. Он подошёл ко мне вплотную, несколько секунд изучал моё лицо, после чего, с ужасом в голосе, спросил:

– Ребята! Куда вы едете?

Когда мы через несколько дней проходили на теплоход, я, простояв дикую очередь, наконец добрался до стойки регистрации. За столом сидел... мой знакомый таможенник. Приняв мои паспорта и билеты, он задумался на секунду, после чего чётко произнёс, тыча в меня пальцем:

– Библиотека, архив, рукописи... – и, шлёпнув печатью, добавил: – Проходи!

* * *

Посидев вчера с одесситами, я вдруг вспомнил, что всё детство проговорил на нормальном одесском жаргоне с соответствующим акцентом. Смягчал буквы: «Пеця, цятр».

«Жи-ши» произносил как пишется, а не как в советском телевизоре. Но вот в четырнадцать лет мама отвела меня за руку в одесский театральный класс на улице Короленко, а там предмет был такой: «сценическая речь»...

В общем, сломали нормальному одесскому хлопчику жизнь. Ещё и читать заставили. И вот уже вместо «Ой, ви мене тут будете рассказывать!», я, ломая язык, произношу: «Пожалуйста, перестаньте молоть чушь...» Тьфу. И не говоришь такое...

Ещё удивляются, почему я такой сосредоточенный и говорю медленно. Я же в голове перевожу постоянно. И сказав, снова перевожу обратно, чтобы понять, что я только что сказал.

Иерусалимская смесь

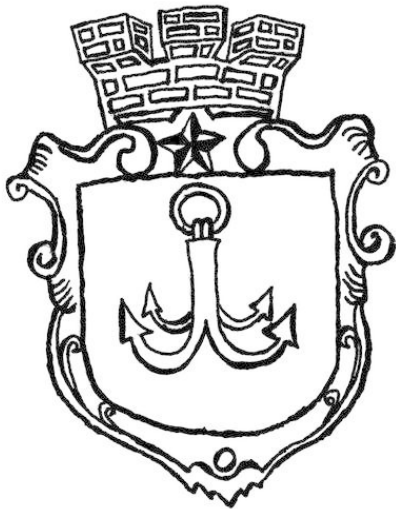
Язык национального общения

Когда мы перебрались в Иерусалим, мой отец заявил:

– Я в Израиле без иврита не пропаду. Буду искать на улице людей постарше и обращаться к ним на идиш...

Через несколько дней рассказывает. Зашёл в магазин. На кассе человек примерно его возраста, солидный, в кипе. Папа обращается на идиш. Человек не понимает, отвечает на иврите.

– Он восточный, не видишь, что ли? Они на нашем не понимают, – говорит на идиш старушка, стоящая за папой в очереди. – Ничего, я ему сейчас переведу...

Говорит с продавцом на иврите, тот кивает, отворачивается к прилавку и ищет то, что нужно отцу.

– Недавно в стране? Откуда приехал? – спрашивает у отца старушка.

RIGA

– Из Одессы, – отвечает отец.

– Ты из Украины? – обрадовалась старушка, переходя на русский. – А я тридцать лет в Израиле. Из Риги приехала.

Продавец оборачивается, протягивает товар отцу. Говорит:

– Я, кстати, из Ташкента приехал...

Ошибка

Месяц в Израиле. Приходим познакомиться с дальними родственниками. Родство примерно такое: троюродного брата племянницы отчим по второй жене со стороны приёмного зятя из Кишинёва.

Собралось человек двадцать. Хозяин дома, поморщившись, говорит мне два слова, после чего сбегает в другой конец стола. И весь вечер нервно косится в мою сторону. Когда уходим, говорю жене: «Ты как хочешь, я к ним больше ни ногой». Проходит месяц – опять зовут в гости. Мы отнекиваемся, но родственники уговаривают: «Ну что вы! Хозяин дома очень вас приглашает, передаёт, что будет рад вас видеть». Даже любопытно стало. Ладно, придём.

Хозяин дома ждёт у дверей. Радостно разводит руками, обнимает, проводит к столу, садится рядом и тараторит:

– Ты извини, пожалуйста, я тебя за другого принял. Есть тут один родственничек – бандит и алкоголик. Я думал, что это его позвали... Ладно, не обижайся на старика... Лучше расскажи, как там поживает мой старинный друг Яков Эмильевич? Процветает его бизнес?

Я говорю:

– Яков Эмильевич, к сожалению, мне неизвестен..

И чтобы как-то заполнить затянувшуюся паузу – предлагаю:

– Возвращаемся к варианту с бандитом и алкоголиком?

Реферат

Попросили меня реферат написать. «Гамлет» Шекспира. За двести шекелей. Кто ж, в гордыне своей, не мечтает о Гамлете написать. За двести шекелей. Я и взялся. Через несколько дней встречаемся мы с девушкой в Старом городе Иерусалима. Говорю: «Перечитай. Вдруг что не так...» Отсела на ступеньки, а я по арабским лавкам стал ходить, прицениваться, на что двести шекелей можно с умом потратить. Вдруг она ко мне летит с перекошенным от злобы лицом.

– Ты чего написал? Ты нормальный? Мне это сдавать, между прочим!

– Так... – говорю, – обидеть ремесленника может каждый! Ты, пожалуйста, конкретней, с цитатами.

– Ах, с цитатами?! – у неё румянец даже выступил. – Я реферат тебе заказывала. Ре-фе-рат! А не литературное произведение. Это что вообще? – она перелистнула несколько страниц и зачитала: «А Гамлет меж тем в анатомичке сидит, Йорика на части разбирает: “Не нахожу я души в нём, – в тоске говорит он самому себе, – стало быть, верно говорил русский физиолог Павлов, что жизнь прикладной характер имеет...”»

– Там дальше хорошо, – вдруг включаюсь я. – Когда Гамлет по карманам Йорика пробил и ничего, кроме медных денег, не нашёл. И решил: «Бедный Йорик...»

У неё даже шея раскраснелась...

– Нет. Я не спорю, концовка у тебя просто ударная: «Плюнул Гамлет, не стал с ними больше разговаривать. Снарядил багаж и уехал в Череповец. К жене своей и сыну малолетнему...»

Я пожимаю плечами: «Что, с запятыми что-то не так?»

Посмотрела она на меня и совсем уж потерянным голосом: «Ты сумасшедший, да?» Подумав, достаёт двести шекелей и мне протягивает. Говорит: «Ладно, ты же работал! Вот, возьми. А я... я сама напишу».

Стыдно мне стало. И грустно как-то. Говорю:

– Ладно. Давай так. Эту бесценную рукопись я тебе дарю...

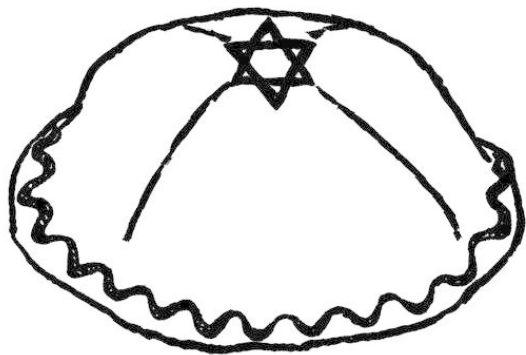
Полез в сумку. Достал стопку, страниц на десять, в файлике.

– Держи. Вот он – нормальный реферат. Как раз на двести шекелей...

Потерял

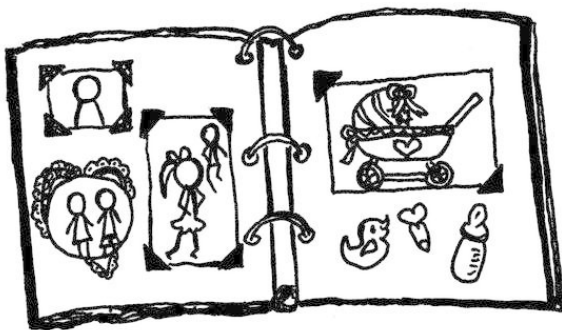
Зашли со знакомой в иерусалимский религиозный район. Она пропадает в магазине, я стою на улице, курю. Подходит какой-то религиозный человек, лицо доброе, но сразу видно, нездоровый человек. Смотрит на меня, потом начинает осматривать асфальт вокруг, как будто что-то ищет. Я его спрашиваю: «Что случилось? Потерял что-то?» Он кивает, мычит. Идёт в сторону магазина, начинает перебирать сложенные у входа пустые коробки, смотрит на меня, тычет мне в лоб пальцем, мычит. Жалко человека, говорю: «Попробуй объяснить, что ты потерял, может быть, я могу помочь...» Тут моя знакомая выходит. Объясняю ситуацию, говорю, «бедолага, потерял что-то, а что – объяснить не может». А человек не понимает, тычет мне в лоб пальцем, прикладывает ладони к щекам, головой качает и опять начинает пустые ящики перебирать. Знакомая за ним наблюдает и вдруг говорит:

– Да ничего он не потерял. Он же объясняет: подошёл к тебе, увидел, что у тебя кипы на голове нет, решил, что следа, вот её-то он и ищет...

Семейные воспоминания

Дети нашли в своём плотном учебном графике несколько часов, чтобы посмотреть с нами старые семейные фотографии. Требовали комментариев: что здесь, когда это было? Наконец дошли до фотографий, связанных с рождением старшей, я запел соловьём, стал рассказывать, припоминая тысячи забавных подробностей. Дети смеялись, катались по кровати, не могли успокоиться.

– Слушай, – шёпотом сказала мне жена, смеявшаяся вместе с детьми, – а разве это так было?

– Тссс! – заговорщически прошептал ей в ответ, – теперь уже так.

Забастовка

На днях работники автобусного кооператива «Эгед» объявили однодневную предупредительную забастовку. Назначили её на вчера. Накануне созваниваюсь с приятелем, чтобы сообщить. Он говорит:

– Паршиво... Придётся такси брать. Туда и обратно...

Попрощались. Через десять минут перезванивает:

– Слушай, как ты думаешь? А если на велосипеде? У меня до сих пор «Старт-шоссе» на антресолях валяется. Конечно, горки, да и мне уже не двадцать. Но жалко денег на такси.

– Всего один день. Можно раскошелиться, – вроде как уговариваю.

– Ладно, – мрачно так, – ты прав...

Ещё через час звонит:

– Нет, поеду на велосипеде. Если вдуматься – сколько преимуществ. И деньги на такси сэкономлю, и спортом займусь, и лишний вес сброшу... И вообще, представь: утро, свежий воздух... Нет. Мне положительно нравится...

Он ещё раз перезвонил. Оказывается, достал с антресолей велосипед, сидит, приводит его в порядок. Сын помогает. «Давно так хорошо с ним не разговаривал...» – признаётся.

А вчера в семь утра звоню ему, чтобы предупредить:

– В новостях пишут, что забастовку отменили...

– В смысле? – не понимает он.

– Автобусы выйдут на маршрут. Так что откладывай свой велосипед, бери постоянный – и вперёд в переполненный автобус.

Пауза. И вдруг решительно так:

– Слушай. Ты мне не звонил. Я тебя не слышал. У «Эгеда» забастовка. Некогда мне – надо ещё камеры на колёсах накачать...

Мысли

Иду в банк по делу – срочно. Спешу, потому что, как обычно, вышел к закрытию. И вдруг замечаю боковым зрением... Останавливаюсь.

На видном месте стоят пять бутылок дорогих виски. Все открытые, но с пробками и далеко не пустые. Вероятно, кто-то обновил домашний бар, а старые бутылки выставил, вдруг кому-нибудь понадобится.

Ладно, времени нет – бегу в банк, там провожу примерно полчаса и возвращаюсь. Стоят родимые на том же месте. Даже на мгновение приютить их захотелось, дать кров, так сказать. Но у меня дурацкое чистоплюйство в крови вкупе с богатым воображением. Не люблю на улице ничего поднимать.

А сейчас сижу, думаю: стоят они там, солнцем палимые, а ведь кому-то могли составить счастье.

Берегись автомобиля

Однажды у нас в иерусалимском лесу чуть не угнали машину.

Мы в тот раз решили забраться куда-нибудь подальше от цивилизации, выбрали самое уединённое место и припарковали наш старенький, потёртый «Форд Фокус» у обочины. Когда через несколько часов возвращались, жена вдруг сказала:

– А кто это там трётся у нашей машины?

Смотрю... действительно, стоит мужик возле нашего «Форда» и подбирает ключ к замку. Один ключ не подошёл, взял другой. Проверяет.

– Эй, – кричу, – а ну, проваливай от машины!

Мужик услышал, на нас посмотрел и испугался. Стал активнее в замке ковыряться. Между нами метров тридцать. В горку. Я прибавил шаг.

– Проваливай! – кричу. – А то хуже будет!

Жена кричит:

– Генрих!

Это мужик дверь открыл.

Я срываюсь с места, уже представляя, как буду ему отворачивать голову, валить на землю и нехорошо пинать ногами. Ору что-то очень угрожающее. Но не успеваю. Мужик, надавив на газ, резко трогается с места и с отвратительным визгом выруливает на дорогу. И я вижу... я вижу стоящий за его машиной точно такой же потёртенький, старенький... наш «Форд Фокус»...

Детский сад

Вспоминаем с женой, как я однажды пошёл забирать дочку из садика.

Делал я это нечасто. Но тут жена простудилась, а я как раз был дома. Тяжело вздохнул и пошёл. Сменная воспитательница, которую я до этого видел всего один раз, решила со мной познакомиться. Говорила она много, посвящая меня в то, чем живёт садик. Поэтому, когда ребёнок подбежал, я с облегчением взял её за ручку и, наскоро попрощавшись, потянул к дверям. Но ребёнок сопротивлялся. Я грозно на неё посмотрел и... обнаружил, что это не мой ребёнок. Такая же черноволосенькая, с той же стрижкой, но не моя. Оказывается, она подошла к воспитательнице поделиться какой-то своей детской обидой и совсем не ожидала, что какой-то страшный дядька захочет её забрать. Помнится, она даже несколько раз пнула меня ножкой, освобождаясь.

«Так это не ваш ребёнок?» – поинтересовалась воспитательница. Я глупо улыбнулся: «Я с вами разговаривал, на ребёнка не посмотрел». Воспитательница подняла бровь. «Вот так папаша!» – наверное, подумала она. «Вам помочь найти вашу дочь?» – она сделала ударение на «вашу». Я заверил, что разберусь самостоятельно.

И пошёл разбираться. Передо мной бегали, резвились и орали деток тридцать, не меньше. Я прошёл всю комнату,

несколько раз даже крикнул дочь по имени. Но она не отзывалась. Покосился на воспитательницу. Та увлечённо разговаривала о чём-то с моей лжедочерью и не обращала на меня никакого внимания. Меня это обрадовало. Наконец, я обнаружил лучшую подружку дочери, которая сидела с каким-то мальчиком, играясь в куклы. «Ты мою не видела?» – спрашиваю. «Её ваша бабушка забрала», – объяснил мне ребёнок, не отрываясь от своих кукол и мальчика.

Ну вот. Зря только ходил. Иду домой. Дома жена долго на меня смотрит. Говорит: «Бабушка не могла её забрать. Ребёнок что-то напутал. Живо беги обратно...»

Когда я вернулся, мой ребёнок, оставшийся последним, сидел рядом с воспитательницей и всхлипывал. Воспитательница посмотрела на меня растерянно: «Вы ведь, кажется, уже приходили? Решили немного погулять?»

Оказывается, увидев меня разговаривающим с воспитательницей, ребёнок решил поиграть в прятки, наблюдая за мной из укрытия. А когда папа неожиданно повернулся и быстро зашагал прочь – очень обиделась. О чём думала, прощая нас к двери, воспитательница – могу только догадываться.

Автобусная эпопея

Жена говорит: у тебя самые простые действия превращаются в целые эпопеи.

Покупаю два билета с пересадкой в автобусе. Водитель решает мне сделать билет со скидкой, продав так, как будто я еду туда, а потом должен возвращаться обратно. Запутанная схема. Расплачиваюсь, сажусь. Через несколько минут водитель подзывает:

– Я вам неправильно оформил билет, водитель второго автобуса его не примет.

– Давайте, я доплачу, и сделайте мне нормальный, – предлагаю.

– Ну, зачем же, – виновато говорит водитель. – Я напишу номер телефона и своё имя. Ну и записочку для второго водителя. Если будут вопросы – пусть он со мной свяжется.

Берёт ручку и, не останавливая автобуса, на обратной стороне билета пишет неслабое послание, поглядывая при этом на дорогу и лихо разворачиваясь на поворотах. Первого билета не хватает, он распечатывает ещё один и дописывает. Я, присев на переднее сиденье, через плечо наблюдаю. Думаю, когда уже он дойдёт до фразы: «Буду заканчивать, передавай привет семье, хорошо в прошлый раз посидели, стоило бы повторить».

Он заканчивает как раз, когда нужно пересаживаться. Вы-

хожу, через несколько минут подходит второй автобус. Захожу, протягиваю билет.

– Билет недействителен, – говорит водитель.

Говорю: вы переверните его другой стороной, там вам послание написано.

Водитель смотрит на меня ошалело. Переворачивает, читает. Качает головой. «Что за ерунда! Ну ладно я. А если контролёр появится? Достанется нам обоим». Две остановки, пока я сидел на переднем сиденье, он дозванивался. Распекал коллегу. Потом, тяжело выдохнув воздух, распечатал ещё билетик и на его обороте ещё три остановки дописывал убористым текстом, чёркая и дописывая над строкой... Наконец, протягивает мне.

– Смотрите, если появится контролёр, чтобы не отвлекать меня от дороги, объясните и дадите этот билет с моими пояснениями. Ну, а если не поможет – тогда уж ко мне идите разбираться.

Беру билет, занимаю место. И тут на следующей остановке появляется контролёр. И я достаю билеты, раскладываю их в нужной очередности, чтобы на вопрос: «Ваш билетик» – ответить: «Всё не так просто. Присядьте, это займёт некоторое время. Понимаете, когда я садился на первый автобус...»

Дело мастера

Сидел я вчера на диване и вдруг понял, что наступила зима. Как-то телом почувствовал этот факт, несмотря на жужжавший в ногах обогреватель. Ну и сказал жене, что сейчас начну окна заклеивать. Жена даже удивилась:

– Прямо вот так, всё бросишь и пойдёшь клеить? Сам, по своей воле решил?

– Ага. Решил, – говорю. И голосом актёра Баталова из фильма «Москва слезам не верит» добавил: – А заодно запомни, что всё и всегда я буду решать сам. На том простом основании, что в нашем доме я больше других напоминаю мужчину...

Ещё доставая материалы, я понял, что брать на себя взрослые мужские дела, отрываясь от компьютера, – это очень правильно. Доклеивая первое окно, я уже как-то заматерел и даже сказал жене:

– Пробуй, хозяйка, не поддувает? Давай! Не укусит. Приложи ладонь.

А пока жена ладонь прикладывала – пошёл заклеивать окна у дочери... Дочь зубрила математику. Я, закладывая в щели вату и полосую липкую ленту, осведомился у неё:

– Учишься? Ну... учишь, учишь... Дело полезное... А то не станешь учиться, вырастешь и будешь, как папа, окна заклеивать...

Дочь кивнула. И я почему-то почувствовал лёгкую досаду за нас, простых трудяг, не вызубривших в детстве всех этих полезных для белой работы знаний.

Быстро я управился. Собрал инструмент, остатки материала в мешочек спрятал и любовно рукой по своей работе провёл. Нетрудовому человеку этого не понять. А жена уже на кухню звала. Принять по такому случаю.

Не пожмотилась. Налила мне из высокого кофейника чёрного кофе. И на закуску к нему кусочек торта и варенье. Самая что ни на есть пролетарская закуска. Разоружённым взглядом видно, что пыталась задобрить мастерового человека. И я это оценил:

– Ты, хозяйка, если что, – важно сказал, закусывая тортом. – Там... не знаю... кран потечёт. Или унитаз нужно поменять. Зови. Всегда поспособствую. Как что – сразу ко мне. Юльевича только спроси. Меня здесь любой кот знает.

От кофе меня развезло. Поднялся я, и, гуляя пальцами по воображаемой гармонии, шатаясь, зашагал к компьютеру. Горланя при этом разухабистую арию «Пою тебе, бог Гименей» из народной оперы композитора Рубинштейна.

6 часов утра

Утром встал пораньше, чтобы поработать. Ещё прохладно, тишина, из звуков – только звон пробегающего под окнами трамвая... Проверяю почту. И как раз в этот момент пропадает интернет. Такое у нас бывает. Пропадёт – минут через пять восстановится...

Через минуту из своей комнаты появляется младшая: «Пап, что у нас с интернетом?»

– Ты чего не спишь? – спрашиваю.

– Я сплю, – говорит ребёнок, – просто в туалет вышла, а заодно про интернет спросить.

– Пап, с интернетом что? – старшая выглядывает из своей комнаты...

Чтобы ускорить дело, иду к роутеру, физически его перегружаю. Проверяю на своём экране.

– У нас интернета нет, – кричит жена из нашей спальни.

– Обновись, уже есть.

– А, точно... Спасибо!

И дети возвращаются по комнатам...

6.15 утра. Сижу, работаю. Тишина. Домашние спят...

Иерусалимский трамвай

Обычный иерусалимский трамвай. Утро. Народ сосредоточен, молчалив. И вдруг входят контролёры.

– Господа, доброе утро, предъявляем билетики...

Кто-то перебросился с ними парой фраз. Кто-то не может найти в кошельке проездной. Делает рэгу: «Подождите минуточку». Контролёры проверили, пожелали всем хорошей поездки и вышли. Народ в трамвае снова стал погружаться в себя. И вдруг:

– Господа, доброе утро, билетики предъявляем! – это вошла уже новая пара контролёров.

– Только что предъявляли, – буркнул кто-то.

Парень-контролёр только развёл руками.

– Работа такая, – говорит.

Контролёры не успели и половины вагона пройти, новая остановка. Открылась дверь...

– Друзья, доброе утро. Предъявляем...

Народ уже начинает переглядываться. Хохмить.

– Может быть, вы не только билетики проверяете? Проверьте заодно уже и мой банковский счёт. Вот карточка.

– А я к врачу еду. Скажите, вы заодно мой желчный пузырь не проверите? Что мне зря ехать...

Всё по-доброму. И контролёры улыбаются, отшучиваются, но билетики проверяют. Народ у нас южный, только по-

вод дай. И вот уже полвагона перезнакомились, обсуждают пенсии, лето, цены и куда поехать отдохнуть. Религиозная часть раввинами меряется. Заходят новые пассажиры. Удивляются оживлённости в вагоне. Молодые вынимают из уха наушник, отрываются от телефона, недоуменно прислушиваются.

Какая-то старушка так увлеклась разговором со своей новой знакомой, что не хочет выходить.

– Ладно, на следующей выйду. Пройдусь, мне полезно...

В вагоне так шумно, что не сразу замечаем громкий окрик из начала вагона:

– Тише-тише, внимание! Предъявляем билетики, господа!

...Можете только представить, какое тут веселье началось...

ЗОЖ

Заходил к нам интересный человек. Апологет здорового образа жизни. Рассказывал, как ему удаётся поддерживать хорошую форму в почтенном возрасте:

– Всё очень просто. Утро я начинаю с пробежки. Это насыщает лёгкие кислородом и поднимает уровень серотонина в крови. Потом выпиваю стакан воды с выжатым в него лимоном. Витамин Це, сам понимаешь. Затем развожу в кипятке молотый лён. Льняная каша – источник витамина Е и Омега 3. После этого кефир с хлебцами. Затем выкуриваю сигаретку и сразу же под контрастный душ...

– Стоп-стоп, – говорю, – какая ещё сигаретка? Ты же про здоровый образ жизни...

Он стал терпеливо объяснять:

– Никотиновая кислота, между прочим, омолаживает клетки мозга... Любой способ получения этой кислоты, включая курение, – это нормально и здорово...

Ладно. Раз так – пошли перекуривать.

– Кстати, про алкоголь, – сказал он, затягиваясь. – Учёные доказали, что потребление двухсот граммов водки перед сном благотворно влияет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.